

Фрейдис Ланнистер

ОДЕРЖИМОСТЬ

ВЛЕЧЕНИЕ СТАВШЕЕ ОДЕРЖИМОСТЬЮ

litmir.club

Нездоровое безумное влечение, поселившееся в человеке — подобно паразиту, изъедающему его изнутри, тем самым приводя всю жизнь "жертвы" к плачевным последствиям. Но еще хуже, если это самое влечение плавно перерастает в одержимость, слепую, ненасытную и беспощадную.

=====
(Ким Петерсон)

На дворе уже десять дней как стоит декабрь, поэтому воздух успел достаточно остыть. Улицы и без того вечно пасмурного Инвернесса превратились в хмурую мечту суицидника.

Натянув на ноги грузные широченные угги и как можно сильнее задрав воротник зимнего пальто, я таки заставляю себя выйти из участка. Джейме назначил встречу на половину восьмого. Неохотно прощаюсь с курящими возле парковки коллегами и медленными шагами плетусь на автобусную остановку.

Джейме стал теперь большой шишкой — первый криминальный психолог в отделе ФБР. Даже звучит пафосно. Работает в центре города, куда и переехал жить около четырех месяцев назад. Правда, без меня. Не знаю, можно ли назвать наш тандем парой: мы часто спим вместе, общаемся, пожалуй, чуть теснее, чем раньше, хотя скорее всё-таки как друзья. Думаю, я так и не сумела полюбить его по-настоящему. Но мое влечение к нему определенно возросло. Стоун несколько раз уговаривал меня жить вместе, но я так и не смогла согласиться, боясь угодить в тупик. Если я перееду к нему, а затем, поняв, что совершила ошибку, вернусь обратно в свой маленький теплый домик на окраине города, это даст трещину в наших и без того странных отношениях. Не хочу давать Джейме ложных надежд. Думаю, он понимает, что я никогда не относилась к семейным дамам, мечтающим о домашнем очаге, любящем муже и паре деток, бегающих по дому.

Эти мысли приводят меня в замешательство, потому-то, зайдя в автобус и заняв сидение возле окна, я позволяю себе печально ухмыльнуться. Не отношусь к такому типу женщин... А к какому типу я отношусь? К больным извращенкам, любящим терпеть побои, находясь в руках серийных маньяков...?

Я все еще думаю о нем. Прошло уже полтора года, но я по-прежнему не могу отпустить его. Я, пусть и редко, но всё-таки созваниваюсь с Крис и Эллисом, но эти ребята давно перебрались в Глазго, зная не зная, что случилось с Райли. Конечно, братья поддерживают связь, но, как призналась Нильсон, Райли ни разу не сказал, где теперь обитает. А особенно расспрашивать о его делах я тоже не могу — никто ведь так и не осведомлен о наших "отношениях".

Не понимаю, чего именно я хочу... зачем думаю о нем, зачем столь часто прокручиваю в голове минуты, проведенные рядом с ним. Хотя, признаться, даже если бы я и попыталась выкинуть его из головы, то вряд ли бы добилась успеха. Все мое тело тут и там покрыто шрамами, напоминающими о Райли. Моллиган точно оставил на мне своего рода метку, которая теперь не позволяет отвернуться от него, не позволяет забыть. Но, тем не менее, я и не хочу забывать. Какая-то часть меня — определенно, больная — жаждет его возвращения. И эта наивная половина все еще верит, что все могло сложиться иначе.

И как бы сильно Джейме ни старался ради меня, как бы страстно и горячо ни любил меня в постели, ему, пожалуй, никогда не удастся проявить и вызвать у меня настолько

безудержное, вожделенное влечение. Райли буквально исходил похотью, которая каким-то необъяснимым образом сочеталась с нежностью и даже своеобразной любовью, испытываемой ко мне. Райли навсегда останется для меня лучшим.

Какой смысл таился в том освобождении, если за все это время я так и не обрела спокойствия, так ни разу и не почувствовала себя по-настоящему спасенной...

Добравшись до нужной мне остановки, схожу с автобуса и лениво, шаркая по заледеневшему асфальту, ступаю по тротуару, рассматривая вывески и витрины попадающихся мне по пути заведений. Одним из таких оказывается довольно просторная книжная лавка, за идеально начищенным стеклом которой красуется моя книга: «Мой кошмар в Инвернесе». Еще одно тяжелое напоминание о случившемся и основное доказательство моей трусости, подлости и...лживости. 567 страниц вранья. Просто толстое сочинение, принесшее не хилый доход — только и всего.

Выдохнув клубок пара, показательно закатываю глаза и спешу отвернуться, дабы не видеть этого жалкого зрелища. Опускаю взгляд на часы: слишком рано. Джейме приедет не меньше, чем через полчаса... за это время я запросто окочурюсь. Потоптавшись на месте несколько секунд в жалких попытках согреться, в итоге решаю зайти в находящуюся в паре минут ходьбы отсюда кофейню «Hot cup». Это как раз то, что мне нужно.

Сильнее вжав голову в плечи, быстро перебирая ногами, направляюсь к выбранному заведению, но чужие шаги, раздавшиеся позади, заставляют меня сбавить темп. Несмотря на то, что по окончанию дела над Кроуфордами я покончила с карьерой детектива и заняла пост Джейме в своем излюбленном участке, чрезмерная настороженность не покидает меня по сей день. Не зря Стоун в шутку называет меня параноиком... Но едва ли я успеваю обернуться, дабы проверить, кто оказался моим незваным спутником, тишина улицы разрывается до боли знакомым, бархатным мужским голосом:

— Мисс? И как вы не боитесь ходить по улицам одна в столь поздний час? — что-то внутри меня надрывается. Я замираю, так и не обернувшись, боясь увидеть человека, стоящего позади. Секунду пытаюсь уверить себя в том, что голос — всего лишь плод моего воображения, что это не может быть он, но глаза предательски покрываются соленой пеленой, и пальцы сжимаются в кулаки. Из-за гулкого учащенного сердцебиения, наполнившего ушные раковины, я перестаю слышать окружающие звуки и оттого ощущаю себя совершенно жалкой. Тело бросает в жар, дыхание дается с превеликим трудом. В какой-то момент я опасуюсь потерять сознание.

Кажется, будто прошла целая вечность. Голоса больше нет. Я ничего не чувствую. Громко сглотнув, заставляю себя обернуться, уже готовясь к тому, что за спиной окажется пустота или же случайный прохожий, моим больным воображением принятый не за того. Но я ошиблась.

— Райли, — с трудом выдавливаю я одними губами, не в силах оторвать взор от его бледного лица. Серо-голубые глаза все с тем же блаженством и животным желанием смотрят на меня, пригвождая к земле. Чувствую, как по щеке стекает горячая, но всего в одно мгновение остывшая и ставшая ледяной, слеза. Мой взгляд в бешеном жадном ритме исследует любимые черты: квадратные острые скулы, покрытые запущенной щетиной, широкий нос, тонкие губы и такие выразительные крупные глаза. Вечно взъерошенные, чуть приподнятые темно-русые волосы мужчины покрылись легким инеем. На мгновение мои ноги подкашиваются, и я едва ли заставляю себя стоять ровно. Тело будто наливается свинцом, и руки, спрятанные в карманы пальто, исходят мелкой дрожью.

Посиневшие от холода губы мужчины медленно растягиваются в широком оскале.

— А ты совсем не изменилась, — почти шепотом признается Райли, откровенно любуясь мною. Его голос заставляет мою кожу покрыться мурашками, и, не в силах сдержаться, я заметно поеживаюсь. — Только волосы стали короче. Но мне нравится.

Рука мужчины медленно тянется к моему подбородку, и я застываю, пристально наблюдая за ней, мысленно паникуя, не зная, что делать. Пылая жаром, тело умоляет меня продолжить стоять на месте, но еще соображающая голова кричит: «Беги».

— Ты не должен быть здесь, — роняю я и, резко развернувшись, быстрыми шагами направляюсь в сторону кофейни, но, боже... на что я рассчитывала?

Громко выдохнув, Райли в следующую секунду цепко хватается меня за локоть и притягивает к себе. Все мое существо напряжинивается, сгорая от страха и вожделения, и, забывшись, я не замечаю, как оказываюсь с Моллиганом в ближайшем узком переулке. Мои руки оказываются вжатыми в холодную кирпичную стену, и с дрожью в коленях я замираю, не зная, чего ожидать. Мужчина неспешно склоняется ко мне и, зарывшись лицом в волосы, делает глубокий вдох, от которого все мое тело заводится с полоборота.

— Как я скучал по этому запаху... — сладко шепчет он, губами изучая мои уши, затем виски и лоб. — Корица и вишня. Будто мы расстались только вчера.

Резко оторвавшись от меня, Райли с широко распахнутыми глазами всматривается в мое лицо. Наблюдая за ним, ощущая каждое его движение, улавливая каждый вздох, я понимаю, что нахожусь на грани того, чтобы не разрыдаться. В горле встал неприятный ком, превративший мое дыхание скорее в больное хрипение. Под нижним веком скапливается влага, что не ускользает от внимания Моллигана, чьи холодные от мороза пальцы успевают поймать сорвавшиеся по щекам слезы.

Сильнее вжав меня в стену, Райли припадает к моим губам, и я теряю самообладание, когда ощущаю его вкус. Легкое головокружение вынуждает меня полностью расслабиться и обмякнуть в объятиях Моллигана. Я мечтала об этом. Все эти полтора года я мечтала об этом дне.

И неописуемо боялась его.

Ненасытный влажный поцелуй порождает во мне желание, которое, несомненно, исходит и от Райли, но внутренний голос, очень похожий на голос Джейме, заставляет меня остановиться. Напрягшись, я прерываю контакт, с силой прикусив губу мужчины. Не думаю, что для него это было неожиданностью. Однажды я уже проделывала что-то подобное, но сей шаг всё-таки заставляет Моллигана отпрянуть. Воспользовавшись тем, что его хватка ослабла, рывком высвобождаю руки и спешу оттолкнуть мужчину.

— Ты не должен был возвращаться! — я с трудом узнаю свой голос, болезненный, надрывающийся, точно истерический. — Ты должен был уехать и навсегда исчезнуть из моей жизни.

— Должен? — судя по лицу Райли, мои слова кажутся ему вздорными. — Я никому ничего не должен, детектив Петерсон. К тому же... не нужно делать из себя пай-девочку. Мы оба прекрасно знаем, как сильно ты тосковала по мне.

— Я уже не детектив, — я могла сказать, что угодно: ответить язвой или оскорблением, заставить его уйти, но я заиклилась именно на этом. Отчего-то слово «детектив» звучит из его уст по-особенному, и что-то внутри меня жалеет о том, что более этот статус по отношению ко мне не применим. — Ты ошибаешься... никто здесь по тебе не тосковал. Тебе лучше уехать и больше уже не возвращаться.

— А я так не думаю, Ким. Лично мне кажется, что нам нужно встретиться. В другом месте, более удачном для нашего... второго свидания, верно?

— Это смешно, — срывается с моих уст, и я порываюсь покинуть переулок, но мужчина вновь останавливает меня, прижимая к себе. — Отпусти. Джейме... он скоро будет здесь. Если он увидит тебя, т..

— Джейме? Этот ублюдок по-прежнему трахает тебя? — грубые слова, слетающие с манящих губ Райли, заставляют меня вздрогнуть. — Ну, признайся же, — вжавшись губами мне в ухо, жарко говорит он, — ему никогда не превзойти меня, никогда не стать мне заменой, ведь так?

Так. Никому не превзойти тебя.

— Уходи, прошу. Я врала ради тебя. Ради Крис и Эллиса, чтобы все вы остались в безопасности, но в ответ вы должны были исчезнуть из моей жизни.

— Я не могу оставить тебя, Ким. И ты не можешь отпустить меня, понимаешь? Мы теперь навеки одно целое, — кончики его пальцев плавно скользят по моим губам. — Я буду ждать тебя в три часа ночи в моем старом доме. Уверен, ты соскучилась по родному месту.

— Ты же не думаешь, что я, действительно, явлюсь туда? После все, что пережила там, — иронично выплевываю я, с трудом воротя нос, заставляя себя бороться.

— Я уверен, что ты придешь. Нам нужно многое обсудить, — замолчав, мужчина порывисто склоняется к моей шее и жадно прикусывает ее, чем вызывает мой слабый болезненный стон, а после, отпустив меня, исчезает так же неожиданно, как и появился.

Простояв несколько секунд в онемении, с трудом вынуждая себя дышать, вскоре я всё-таки припадаю к стене, едва ли не съехав по ней на землю. Рыдания, так давно застрявшие в горле, вырываются наружу, и я даю себе волю, прикрыв лицо ладонями.

Он здесь.

Почему теперь я чувствую себя живой?

Комментарий к Пробуждение.

Собственно, вот и продолжение многим так понравившейся работы “Влечение”.

Надеюсь, продолжение вас не разочарует. Жду ваших отзывов и оценок!

===== Наваждение. =====

(Джейме Стоун)

Как бы я ни старался, покинуть кабинет раньше мне так и не удалось. Впрочем, это не столь важно, потому что, добравшись до места встречи, Ким я нигде не нахожу, что меня ни капли не удивляет. Снова заснула за рабочим столом. Или перепутала время. Или же решила просто не приходить, ведь... бывало и такое.

Тяжело выдохнув, показательно закатываю глаза и достаю мобильный, который, как оказалось, был лишним: силуэт девушки появляется на пару метров впереди... из переулка.

— Ким? — зову я, не в силах разглядеть знакомое лицо. На улице уже сгустились сумерки, кроме того, стриженные до плеч темные волосы Петерсон теперь нагло лезут на лицо, прикрывая тонкие бледные черты.

Поначалу, будто не узнавая меня, девушка продолжает стоять на месте, спрятав руки в карманы пальто. Однако позже я понимаю, что ее взгляд направлен точно на меня, и весь ее вид кажется мне подозрительным и даже напуганным.

Подавшись вперед, собираюсь подойти к Ким ближе, и та, будто спохватившись, сама быстрыми шагами покрывает расстояние между нами. Тонкие руки оббегают мою шею, и я чувствую невесомый поцелуй холодных губ на своей щеке.

— Ты опоздал, — выпаливает шатенка, продолжая держать меня в объятиях.

— Всего на 10 минут. Что-то стряслось? Ты выглядела... какой-то странной. Да и сейчас... — все мое тело просится склонить голову и попробовать ее губы на вкус еще раз, но я, действительно, не узнаю Петерсон. Обычно девушка не столь падка на нежности где-то, кроме спальни. Как мне казалось, пара из нас выходит довольно-таки странная, неординарная.

— Что сейчас? — переспрашивает она, но по взгляду я понимаю, что вопрос был задан скорее из надобности. Она все прекрасно понимает.

— Ты обнимаешь меня. Уже пару минут. Это само по себе необычно. И что ты делала в переулке? — сощуриив глаза, внимательно вглядываюсь в посеревшее благодаря вечерним теням лицо Ким.

Крупные округлые глаза опускаются на пару мгновений, пытаюсь скрыть правду, после чего шатенка отстраняется, и я замечаю, как пухлые губы кривятся, а на лице застывает гримаса изумления.

— Всё это настолько заметно?

— Что? — не понимаю, нахмурившись.

— У меня случился срыв... — неохотно признается шатенка, пальцами зачесав мягкие волосы назад. — Не хотела говорить тебе. Я... — подняв глаза, Петерсон громко сглатывает и кивает мне за спину, — я увидела эту чертову книгу за стеклом и... пока тебя не было, от безделья начала ворошить прошлое. Вот итог, — быстрым неаккуратным движением Ким обводит контур собственного лица, демонстрируя еще не прошедшие покраснения на щеках, и только теперь я понимаю, что она плакала.

Поняв, в чем дело, я заметно расслабляюсь. Моя рука тянется к щеке шатенки, но та успевает остановить ее.

— Я в порядке. Уже, — уверяет она и ободряюще улыбается. — Только замерзла. Пойдем, посидим где-нибудь.

Вообще-то этот вечер я планировал провести на свежем воздухе, но на улице оказалось, действительно, морозно, да и лицо Петерсон мне не очень нравится, поэтому я быстро соглашаюсь. Мы останавливаемся в небольшом кафе-баре в нескольких кварталах от места нашей встречи и проводим там около пары часов, пропустив по кружке пива. Первые полчаса Ким кажется мне крайне несговорчивой, закрытой, даже поникшей, но после, видимо, заметив мое пристальное внимание, девушка закрывается от ненужных мыслей и приходит в себя. Остаток вечера я, как и прежде, слушаю байки, жалобы и шутки Ким, не в силах налюбоваться ею. Даже теперь.

Не хочу показаться неисправимым романтиком или же — что еще хуже — невероятным занудой, но я все еще не могу отделаться от надежды, что когда-нибудь мне удастся склонить Петерсон к совместному житью. Да, пару раз девушка уже отказывала мне, а теперь старается деликатно избегать разговоры, касающиеся этой темы, уходит от вопросов или же делает вид, что не слышит или не понимает меня, но я верю. И не перестану верить. Ким пошел 28 год, всего лишь 28.. Но, глядя на нее, всматриваясь в ее туманно-серые глаза, я вижу пятидесятилетний выжатый лимон. И состарилась она крайне быстро — за время того чертового расследования над Кроуфордами. Пожалуй, будь дело только во мне и в моей любви к ней, я бы давно оставил Петерсон, дав ей идти своей дорогой, не стал бы вмешиваться и навязываться, но дело не только во мне. Дело в первую очередь в ней. Без опоры она пропадет. Утонет в собственном одиночестве и вечном страхе вернуться в тот

кошмар. Паранойя съест ее заживо, даже не подавившись.

— Что? — спрашивает девушка, заметив мой пристальный взгляд. — У меня что-то с лицом?

— Ну, кроме того, что оно прекрасно, хоть и столь бледно — нет. Все отлично, — пожимаю плечами, с наслаждением наблюдая за тем, как впалые щеки девушки покрываются слабым румянцем.

— Ты так смотришь... Будто хочешь мне что-то сказать, — крупные глаза застывают в слабом прищуре.

— Не сказать, а предложить... остаться сегодня у меня. Надеюсь, ты не против? — как мне кажется, идея ночевать у меня не очень-то нравится Ким: потупившись, она несколько секунд разглядывает остатки пенного в своей кружке, но, к моему удивлению, все-таки согласно кивает. Ее лицо озаряет слабая улыбка.

— Думаю, не будет дурно, если завтра на работу я попаду на машине, — шатенка игриво подмигивает мне, хотя жест выглядит каким-то искусственным. Сегодня она определенно не в своей тарелке.

Посидев в заведении еще несколько минут, мы решаем отправиться домой. Улицы Инвернесса успело припорошить снегом, правда, когда мы оказались снаружи, крупные белые хлопья исчезли, уступив место редким снежным бусинкам, настолько мелким, что почти не заметным на свету.

Всю дорогу мы шагаем молча, каждый занятый своими мыслями, и тихо вдыхаем свежий воздух. Ким даже позволяет мне приобнять ее за талию, не состроив при этом гримасу недовольства, как любит делать это обычно.

Совсем скоро мы оказываемся дома. Несмотря на то, что Петерсон так и не согласилась переехать ко мне, здесь достаточно много ее вещей: время от времени девушка остается у меня на ночь или две, хотя большую часть времени старается склонить меня к ночевке в ее стенах, будто центр города ей неприятен и далек. Посему, переступив порог и почувствовав себя как дома, Ким отправляется напрямик в душ, откуда уже через несколько минут выходит свежая, разгоряченная и едва прикрытая легким тонким полотенцем. Влажные спутанные волосы прилипли к ее щекам, образуя причудливые линии, под глазами остались слабые темные пятна — остатки макияжа — придающие девушке еще более изнуренный вид. Но отчего-то эта усталость не портит ее, будто став ее частью, обратившись в ее тень, от которой уже никуда не сбежать.

Не обращая на меня внимания, Ким присаживается на край кровати, занявшись собственным телом. Ловкими плавными движениями стройные подтянутые руки распределяют по угловатым плечам и ключицам крем, который наполняет спальню легким ненавязчивым ароматом ванили. Не знаю, сколько времени должно пройти и сколько раз я должен увидеть эту картину, чтобы быть равнодушным... я уверен лишь в одном: этот момент еще не настал. И я не хочу дожить до него.

Проведя ладонью по покрытому слабой щетиной подбородку, медленно сокращаю расстояние между нами и присаживаюсь рядом с Ким. Медленно стягиваю полотенце вниз, оголяя тонкую женскую спину и, макнув кончики пальцев в ароматную консистенцию, сладострастными неторопливыми движениями размазываю ее по коже Петерсон, неотрывно наблюдая за реакцией шатенки. Не знаю, что именно влияет на меня сильнее: так полюбившееся мне обнаженное тело, находящееся в непосредственной близости, приятная таинственная тишина, нарушаемая лишь нашим слабым дыханием, или же этот

притягательный аромат ванили, — вот только я не могу и не хочу продолжать сдерживать себя, хоть и понимаю, что приставать к Ким сегодня — как минимум неуважительно. Покончив с кремом, покрываю плечи девушки ладонями и склоняюсь к ее шее. Мои губы касаются теплой бархатной кожи, вызывая мурашки — не только у меня, но и у Петерсон. Прикрыв глаза, продолжаю целовать ее, опуская руки ниже и ниже, пока не добираюсь до аккуратной маленькой груди. Затвердевшие соски оказываются зажатými между моими пальцами, и я ощущаю невыносимое желание, зародившееся где-то внизу живота. Шатенка продолжает сидеть неподвижно, ее веки опущены, ладони лежат на коленях, точно у примерной школьницы, но Ким выдают губы: влажные, они оказываются приоткрытыми от удовольствия, сексуально поблескивая на свету.

Сильнее сжав груди Петерсон, прижимаюсь к женской спине, и одна моя ладонь спускается ниже, нащупав влажное полотенце, прикрывающее стройные ноги. Минув преграду, скольжу сперва по подтянутым бедрам, затем мягко касаюсь промежности. Пальцы покрывают набухший клитор, и я ощущаю, как спина Ким, поддавшись, слабо выгибается от подступающего удовольствия. Но в следующее мгновение, точно прочтя мои мысли, девушка резко замирает и после поворачивается ко мне в профиль.

— Прости, — Петерсон довольно небрежным движением ловит мою руку и отодвигает в сторону. Шатенка намеренно прячет глаза, не давая мне найти в них интересующие ответы, и я неохотно соглашаюсь оставить ее в покое. — Правда, прости... — видимо, почувствовав вину или стыд, начинает она оправдываться, — я хочу, просто... сегодня был дурацкий день на работе... еще этот чертов срыв. Я не могу перестать думать о нем, и из-за этого мозги набекрень. Я даже не могу сосредоточиться на тебе.

(Ким Петерсон)

Чем дальше я смотрю в его серые глаза, тем больше чувствую себя паршивой сукой. Дурацкий день? Срыв? Половину рабочей смены я проболтала с одним из подозреваемых, а вторую половину уминала пиццу в компании Стивенсона, который со времен расследования дела Моллиганов успел дорасти до неплохого детектива, сменив меня на прежнем месте.

А теперь же, сидя здесь и ощущая на себе нежные прикосновения, я... я вижу и чувствую его. Райли. Бред какой-то...

— Хватит, Ким, всё в порядке. Я смогу пережить один вечер без секса, — мужчина нарочито задорно ухмыляется и по-отечески чмокает меня в макушку. Я же могу лишь натянуто улыбнуться.

Ему давно пора расстаться со мной. Он достоин намного большего.

Одевшись в домашнее и поужинав, мы вскоре оказываемся в постели. Рука Стоуна мирно покоится на моих бедрах, и я уже битый час вслушиваюсь в его спокойное смиренное дыхание, обжигающее затылок. Признаться, я чертовски хочу разрыдаться, но изо всех сил сдерживаюсь, чтобы своей дрожью не разбудить Джейме. Он делает для меня так много... А я остаюсь невыносимо далекой, хоть и такой близкой. А теперь еще и Моллиган. Так нельзя...

Где-то в глубине души я жалею, что позволила себе тогда переспать с Джейме. Может, если бы не моя слабость, ему не пришлось бы связывать со мной свою жизнь и опекать такую холодную стерву. И что самое дерьмовое: я осознаю, что жалеть стоит совсем не об этом, а о том, что Райли снова вернулся в мою жизнь. Но могу ли я?

Лежа в постели и вглядываясь в темноту, я непрестанно думаю о его предложении встретиться. На часах уже половина 4 утра. Там ли он? Ждет ли меня? Все мое телс

порывается подняться и уйти. Отправиться навстречу... но чему? Сумасшествию? Может, собственной смерти? Почему я по-прежнему на что-то надеюсь...?!

В очередной раз уловив слабое постанывание за спиной, я не выдерживаю и с тяжелым вздохом поднимаюсь с кровати. Благо, спит Джейме довольно крепко, да и спустя полночи он оказался лежащим на другом краю матраса, так что тревожить его мне не пришлось. Не включая света, впопыхах привожу себя в порядок, одеваюсь потеплее и покидаю квартиру.

Я еще буду жалеть об этом...

Комментарий к Наваждению.

Встречайте новую главу. Жду ваших отзывов и оценок!

Проду ждите до субботы этой недели.

===== Я тебя люблю. =====

(Ким Петерсон)

Водитель такси по вежливой просьбе позволяет мне высадиться чуть раньше, нежели было обговорено. И вот я снова здесь — в густом, темном, внушающем ужас лесу. Земля достаточно промерзла, поэтому, медленно направляясь к дому Моллиганов, я вдумчиво вслушиваюсь в слабый хруст и скрип под ногами. Поднявшийся за ночь ветер, почти не ощущается благодаря внушающей стене из многолетних хвойных деревьев, величественно возвышающихся над моей дурной головой.

Что я здесь делаю...? Боже... я сошла с ума...

Все это время рассматривая покрытую тонким слоем снега тропу у себя под ногами, поднимаю ошалелые глаза и осознаю, что солнце уже довольно высоко, и мне не стоит оставаться у Райли надолго. В конце концов, сегодня рабочий день, и я не могу позволить себе опоздать в участок.

Интересно, что подумает Джейме, проснувшись и осознав, что я сбежала?

От одной мысли об этом, где-то в груди зарождается неприятное стыдливое чувство. В горле застревают ком, и я тяжело и сипло выдыхаю. Надеюсь, ему хватит терпения пережить и такое...

Примерно через 10 минут ходьбы я, наконец, выхожу к нужному строению. В ноги ударяет беспощадная слабость, когда мои глаза натываются на давно знакомый пикап, припаркованный перед домом. Территория выглядит довольно запущенной, что не удивительно: вряд ли за полтора года сюда ступала нога человека. Хотя, признаться, я удивлена, что сам дом остался целым. Вандалов в Инвернесе хватает, впрочем, как и везде.

Мое дыхание заметно сбивается, и я только теперь осознаю, что не на шутку запыхалась, хотя шла не то, чтобы быстро. Нервы дают о себе знать.

В неуверенности топчась на месте, окидываю двухэтажное строение внимательным взглядом: ни в одном окне не горит свет, и как бы я ни напрягала зрение, различить за стеклом силуэт Райли у меня так и не получилось. Моллиган вполне может давно находиться в постели. Уловить мой слабый шаг ему едва ли удалось бы.

— Чёрт, — навязчивый шепот, сорвавшийся с губ, заставляет меня вздрогнуть: здесь слишком тихо.

Ноги порываются вперед, но я останавливаюсь, не успев сделать и шага. У меня еще есть шанс вернуться. Пока не поздно.

Если Райли сейчас наблюдает за мной... думаю, его губы уже успели растянуться в усмешке. Какая же я жалкая...

Громко сглотнув, еще несколько секунд разминаю пальцы рук, разбавляя глухую тишь

леса звонкими раздражающими щелчками. Но в следующее мгновение я замираю: парадная дверь со слабым скрипом отворяется, и на пороге появляется силуэт Райли.

— Ким, спектакль, конечно, интересный, но мне вообще-то уже чертовски надоело ждать тебя, — поджав губы, мужчина поправляет взъерошенные, видимо, после сна волосы и прячет руки в карманы брюк.

Признаться, его неожиданное появление застало меня врасплох, хотя мне следовало ожидать чего-то подобного. Уставившись на Райли, я в нерешительности переминаюсь с ноги на ногу, с интересом и тоской разглядывая его лицо. Он будто восстал из мертвых или же... явился из ниоткуда после пропажи без вести. Сейчас мы находимся не так близко, как вчера: нас разделяет около 7-10 метров, но даже с такого расстояния я с легкостью улавливаю его черты. Плечи и торс Моллигана покрыты плотной обтягивающей толстовкой, почти в точности повторяющей каждый мускул мужчины.

Отчего-то мне хочется, чтобы меня переехал грузовик. Прямо сейчас. Меня не должно быть здесь. Ровно, как и его.

— Ты так и будешь стоять там? Здесь, между прочим, холодно, — с недовольством замечает Райли и прижимается ближе к косяку, давая мне дорогу. — Ну же, Ким.

Не могу перестать сравнивать себя с маленькой собачонкой, давно не видевшей своего хозяина и теперь не умеющей понять: он ли это. Так же, как глупое преданное создание, я, потупившись, делаю последний глубокий выдох и послушно направляюсь к Райли, стараясь выглядеть как можно уверенней и неприступней. Поравнявшись с мужчиной в дверном проеме, без сомнений ожидаю чего-то, но, к моему удивлению, ничего не происходит. Шатен со смиренным спокойным лицом позволяет мне войти внутрь и после в молчании запирает дверь.

Я заставляю себя не оборачиваться, хотя все мое существо сжалось, напряжилось. Я жду, что в любое мгновение Моллиган может напасть. Но снова ничего.

В доме оказывается довольно душно и... неприятно тихо. Вокруг веет смертью. Хотя, не уверена, что пришла бы к подобному выводу — не знай я, где и с кем нахожусь. Ноги сами собой ведут меня напрямиком на кухню, пока дрожащие руки расстегивают ледяные пуговицы пальто. Атмосфера жилища кажется мне настолько родной, будто я покинула его стены только вчера. С одной лишь разницей — теперь все здесь покрыто толстым слоем пыли.

— Извини за беспорядок, — снова вздрагиваю. Войдя на кухню следом, Райли оказывается ко мне почти вплотную. — Я еще не успел здесь прибраться. И чаем угостить я тебя тоже не могу. Но и не хочу... ты ведь опоздала.

— Да... чай я, видимо, не заслужила, — с издевкой роняю я, опустив глаза.

— Нет-нет-нет, — вдруг выпаливает он и касается моего подбородка холодными пальцами, — я хочу, чтобы ты смотрела на меня. Мы ведь так давно не виделись. Не нужно противиться своим желаниям, детектив.

— Я больше не..

— Я помню, — перебивает он, приложив указательный палец к моим губам, — но этот статус чертовски тебе идет, ты знаешь? Как теперь мне тебя называть?

— Я работаю криминальным психологом, Райли, — придаю голосу больше уверенности и жесткости, но Моллигана это ничуть не смущает. Я бы даже сказала, его это не интересует.

— Звучит не очень сексуально, согласишься, — ухмыльнувшись и показав мне свой фирменный оскал, мужчина губами прислоняется к моему уху, — я знал, что ты приедешь.

— Прекрати, — прошу я и стараюсь отстраниться, чем нарываюсь на большее упорство

с его стороны, — даже я этого не знала.

— Ты лжешь, — его голос, бархатный и плавный... тягучий, точно патока. Честно говоря, я готова сдаться только ради того, чтобы слышать его снова и снова.

Что мне стоит отдаться ему здесь и сейчас? Забыть про свою карьеру, про Стоуна, который совсем скоро проснется и увидит рядом с собой пустую холодную половину матраса. Моя прежняя жизнь давно умерла, и нужна ли мне нынешняя? Криминальный психолог? Это не то, к чему я стремилась... Вечно одинокая девушка, которая не может завести даже жалкую кошку, потому что ненавидит ответственность. Кто я? Особенно теперь? Да, быть может, я умру, но... хотя бы для него — человека, стоящего передо мной — я что-то значу. Хотя бы в последние минуты я смогу почувствовать себя живой и по-настоящему спасенной. Что сводит с ума больше? Чертова любовь или моя непреодолимая тяга к опасности?

Воспользовавшись моим вдумчивым молчанием, Райли склоняется, чтобы поцеловать меня. Наши губы почти соприкасаются, но я вдруг отталкиваю его, заставив себя отвернуться.

— Райли, прошу... я приехала сюда не за этим. Нам просто нужно поговорить, и я вернусь домой.

Комната наполняется тяжелым шумным выдохом. На секунду я зажмуриваюсь, готовая к удару или чему-то подобному, но Моллиган всего навсего крепко сжимает мои запястья, видимо, боясь, что я снова попытаюсь сбежать или хотя бы отстраниться.

— Поговорить? — с издевкой переспрашивает он. — Давай поговорим. А ты неплохо выдрессировала себя, да? Или же руку к этому приложил твой ублюдок?

— Не говори ерунды. Ты же не думал, что, явись ты в город — я сразу же припаду к твоей груди? — взрываюсь я, начиная раздражаться от собственной никчемности. — Тебе не следовало приезжать. Я явилась сюда только для того... — делаю паузу, лихорадочно пытаюсь понять, зачем же я в действительности притащилась.

— Ну же? — напирает он, прижимая меня к краю кухонного стола. Наши тела непомерно близко, отчего мой рассудок едва ли продолжает сохранять свое я.

— Я приехала сказать, что не желаю тебя больше видеть, — с жестокостью выплевываю, взглянув мужчине прямо в глаза. — Я не понимаю, зачем ты здесь! Не понимаю, чего от меня хочешь! Если ты думаешь, что сможешь снова украсть меня и держать взаперти, то нет. Джейме выдвинется на мои поиски незамедлительно. И он будет знать, что я здесь, если я не вернусь домой в срок, — жалкий блеф. Никакого предупреждения для Стоуна я не оставила... И ни за что бы не сделала этого даже под дулом пистолета. Он никогда не узнает о моей связи с Моллиганом. — А если ты вернулся лишь для того, чтобы закончить начатое, то прошу: убей меня прямо сейчас. Кажется, центр твоих часов был приготовлен именно для меня?! Так сделай это скорее, чего ты ждешь? Заверши работу и катись ко всем чертям из этого города, пока твой зад не вспыхнул, потому что в этот раз уйти тебе вряд ли удастся — стоит только копам узнать о том, что ты в городе.

— Так я и не скрываюсь, — расслабленно пожав плечами, Райли ободряюще улыбается. — Когда ты уже, наконец, поймешь, что за ниточки здесь дергаю я? Ким... — выдыхает он, — я думал о тебе. Всё это время. Только о тебе и о том дне, когда вернусь в Инвернесс. И вот я здесь. Да, твоя жизнь круто изменилась. Я видел твою книгу... даже прочел ее, представляешь. Думаю, мой смех слышала вся округа, — злорадство, читающееся в его глазах, заставляет меня поморщиться, и я уже в который раз мыслями возвращаюсь к

Кроуфордам, сидящим теперь за решеткой. Вместо него. — Сменила профессию... почему? Нервы? Или, может, приступы паники? Хотя нет, думаю, дело в чувстве вины перед теми двумя тупыми говнюками, которые отбывают срок за мои убийства? Знаешь... только одно изменение в тебе пришлось мне по душе. Такая стрижка тебе очень к лицу. Мне всегда нравились твои острые скулы, которые теперь выигрышно подчеркнуты.

— Ты так и не ответил, — выдавливаю я, с трудом заставляя себя сохранять спокойствие, — зачем ты приехал?

— Точно не для того, чтобы убить тебя, — обнадеживающе кидает он и бросает взгляд к окну. Кожа на запястьях начала неприятно ныть, но стараться вырваться — пустая трата сил и времени. — Да, ты мое преступление, Ким. Помнишь? Ты особенная. Непревзойденная. И я всегда держу свое слово: ты будешь только моей. Ведь я обещал.

Вид из окна быстро наскучивает Райли, и он вновь возвращается ко мне. Глубокие туманно-серые глаза похабно разглядывают мои губы. У меня же в голове проскальзывает лишь одна мысль: он собирается что-то сделать с Джейме.

— Ты будешь помогать мне. У тебя есть связи в полиции, так что... ты будешь мне чертовски по...

— Что?! — восклицаю я, не веря своим ушам. — Хах, ты что, правда, думаешь, что я буду помогать тебе? В чем?! Убивать девушек? Может, заманивать их в твои ловушки? Боже... да ты еще безумнее, чем я думала.

— Правда? — крепкие мужские пальцы сильнее сжимают запястья, и с моих губ едва ли не срывается писк. — Мне кажется, у тебя нет выбора.

— Это почему же?

— Потому что ты любишь меня. А я люблю тебя. Так ведь, детектив?

Снова. Ему снова удалось вскружить мне голову, как тогда, когда он впервые сказал, что любит меня. Вранье? Зачем он делает это... такие, как Райли, не умеют любить. Или же... нет, он может любить, но что это понятие для него значит?

Вперив в лицо мужчины ошарашенный взгляд, облизываю сухие губы и опускаю голову. Безумие.

Он просто манипулирует мной.

— Я не люблю тебя, Райли. Ты сошедший с ума, чертов маньяк, которому нужна срочная психологическая помощь, ясно? Что ты можешь знать о любви?! Оставь меня, у меня уже сейчас руки отвалятся! — изо всех сил одергиваю ладони, и, как это ни странно, Райли позволяет мне высвободиться. — Забудь обо мне.

Отпихнув Моллигана, быстрыми шагами направляюсь к выходу и почти выскакиваю на улицу. В лицо мне ударяет яркий свет восходящего солнца.

===== Тупик. =====

(Джейме Стоун)

Очнувшись поутру и еще не успев продрать глаза, с глухим сонным стоном переворачиваюсь с одного бока на другой, протягиваю руку перед собой и... встречаюсь с пустотой.

— Ким! — срывается с моих губ. — Ки-им, — снова пытаюсь я, но ответа не следует.

Наострив уши, стараюсь прислушаться к звукам в квартире, но ничего. Гробовая тишина, разбавляемая моим собственным дыханием вкупе с шелестом постельного белья. Всё-таки заставив себя поднять свинцовые веки, заспанными глазами быстро обшариваю комнату. В спальне нет ни Петерсон, ни ее вчерашних вещей. Предполагаю, на кухне или в

ванной я ее тоже не найду.

Неохотно занимаю сидячее положение и грубо растираю лицо, стараясь подавить подступающий к горлу рык. Просто замечательно, Ким... Ты бьешь все рекорды.

Покинув как никогда мягкое ложе, шаркая ногами по паркету, медленно плетусь на кухню в надежде увидеть там хоть какое-то объяснение, но, конечно же, ничего не нахожу. Ноги почти подкашиваются, и я сам не замечаю, как оказываюсь сидящим на одном из кухонных стульев. Мои глаза опускаются на зажатый в руке мобильный, и я машинально ищу номер девушки в списке последних вызовов.

Отчего-то я до последнего надеялся, что Петерсон соизволит взять хотя бы трубку, но и здесь ничего. Она просто исчезла. Не могу поверить... она ушла, оставив мне пустую холодную кровать и оповещение на том конце трубки о том, что абонент недоступен. И что теперь я должен сделать? Снова закрыть глаза? В очередной раз стерпеть и идти дальше? Невыносимо.

Издав тяжелый хриплый стон, заставляю себя подняться и приняться за завтрак. Работу никто не отменял. Хотя желание встретиться и поговорить с Ким не дает мне покоя.

На скорую руку залив в сковороду тройку яиц и после заставив себя отправить все это в рот, я всё-таки решаюсь сделать звонок начальнику. Благо, тот без каких бы то ни было нареканий дает мне добро на двухчасовую отлучку.

Добраться до участка Ким, который, черт подери, вызывает-таки во мне чувство ностальгии, мне удастся к половине 9. Уже на пороге меня встречают несколько бывших коллег, заставивших пожать им руки и остановиться для краткой беседы. Не могу сказать, что не рад их видеть, но сейчас грядущая встреча с Ким попросту волнует меня куда больше пустых разговоров.

— Эй, Стивенсон, — зову я, случайно заметив парнишку, направляющегося к главному коридору.

— Мистер Стоун, — с улыбкой приветствует он и, подойдя ближе, с нескрываемым удовольствием жмет мне руку. Я всегда дивился его светлому нраву. И как такого открытого дружелюбного и отзывчивого человека вообще занесло в полицию? — Как жизнь? Что скажете, работать в ФБР, наверное, получше, чем здесь?

— Я бы на твоём месте не говорил об этом так громко, — усмехаюсь я, оглядываясь по сторонам. — Вот донесут на тебя начальнику, и поминай, как знаешь. Он ведь у нас за свой участок глотку вспороть готов. А вообще да, лучше.

Парень понимающе кивает, и, воспользовавшись паузой, я решаю, наконец, справиться о Петерсон.

— Послушай, Джордан, я бы с удовольствием поболтал с тобой еще, но... у меня не так-то много времени, а мне нужно еще поговорить с Ким.

— А, конечно, — он виновато пожимает плечами. — Я все понимаю.

— Петерсон у себя?

— Да. Она пришла минут за 10 до вашего прихода. И... — замявшись, Стивенсон неуверенно почесывает затылок, — видок у нее не очень.

Я ничего не отвечаю, хоть слова Джордона и беру на заметку. Еще раз пожав друг другу руки, мы расходимся, и я направляюсь напрямиком к Петерсон.

Благо, по дороге меня более никто не тревожит. Добравшись до двери, ведущей в некогда мой кабинет — криминального психолога — позволяю себе без стука заглянуть внутрь. Поначалу я не сразу замечаю, что в комнате кто-то есть. Первым делом мой взгляд

падает на рабочий стол, заваленный различными папками, бумагами и заставленный парой пластиковых стаканов из под кофе. Вполне себе в стиле Ким.

Громко прочистив горло, я, поторопившись, уже собираюсь покинуть кабинет, но только затем мой взгляд падает на громоздкое, недавно подаренное мною девушке кожаное кресло, будто нарочно повернутое спинкой к выходу. Мои брови медленно хмурятся. Аккуратно прикрываю за собой дверь, не забыв при этом повернуть щеколду, медленными шагами ступаю к предмету мебели, на котором, как и ожидалось, мне удастся найти Петерсон. Забравшись на кресло с ногами и свернувшись калачиком, Ким довольно-таки шумно посапывает, не забыв подложить под голову собственный свитер. Стивенсон оказался прав. Внешний вид девушки, действительно, оставляет желать лучшего: растрепанные волосы, серые круги под глазами, да и в целом не очень здоровый цвет лица. На долю секунды я ловлю себя на мысли, что не хочу будить ее, но затем заставляю задавить в себе эту чертову жалость. В конце концов, она ушла посреди ночи, ничего не сказав, а теперь выглядит так, будто по ней как минимум проехался каток. Чем же она занималась?

Глубоко вздохнув, присаживаюсь на подлокотник кресла и аккуратно треплю Петерсон за плечо.

— Ким, — зову я, чуть склонившись к ее уху, — Ким, просыпайся.

Вздрагнув, девушка с трудом разлепляет веки, но ей далеко не сразу удастся узнать меня. Смотря будто сквозь, она непонимающим взором вглядывается в мое лицо, при этом неясно хрипя и постанывая от усталости.

— Джейме? — наконец выпаливает она, когда ее взгляд становится более менее ясным и осознанным. — Что ты здесь делаешь?

Окончательно проснувшись, она спешит занять привычное сидячее положение. Бледные тонкие руки спешат привести взъерошенные волосы в порядок, я же решаю, что мне лучше встать, и занимаю место за столом — напротив девушки.

— Давно ты здесь? — измученным сонным голосом спрашивает она, выпрямив спину. Девушка тянется к одному из пластиковых стаканов, но, обнаружив, что тот пуст, с кислым лицом опускает его обратно на стол.

— Не то чтобы... пару минут полюбовался твоим изможденным лицом, затем решил разбудить. И... поговорить.

Доселе стараясь не смотреть на меня, теперь Ким все-таки поднимает глаза, в которых написаны горечь и откровенное признание собственной вины.

— Прости, — выдавливая она, безнадежно покачивая головой. — Я такая кретинка... До сих пор не понимаю, как я могла уйти, ничего не сказав. Просто..

— Что? — не выдерживаю я, нахмурившись. — Мне очень интересно, Ким, что случилось на этот раз?

(Ким Петерсон)

Вопрос Джейме ставит меня в тупик. Скукожившись и проглотив ком, застрявший в горле, я снова опускаю глаза, не в силах наблюдать осуждение и обиду в его глазах. Я могла съездить к Райли в другой раз. Могла, чтоб меня, но не поехала. Мне приспичило бросить Джейме и отправиться навстречу приключениям именно сегодня.

— Я... я просто настолько хреново себя чувствовала, что не могла уснуть. Ворочалась как ненормальная, потом поняла, что не могу больше лежать. Мне захотелось побыть одной, и я ушла. Не хотелось будить тебя, — вдумчиво говорю я, стараясь понять, поверила бы я сама себе или нет. Насколько убедительно звучит моя речь? — Телефон разрядился. Вон, —

киваю в сторону розетки, из которой торчит провод, — лежит заряжается. Я заметила только когда пришла на работу. Звонить не стала, потому что подумала, что ты занят. Я, конечно, понимаю, что все это бред, что я всё равно должна была дать знать о себе... Можешь послать меня, если хочешь. Я пойму.

— То есть тебе наплевать, пошлю я тебя или нет? — не понимает он, удивленно вскинув брови.

— Нет! — спешу разуверить я, подскочив с кресла, — нет, Джейме... ты не так понял. Просто... я уже настолько виновата перед тобой со всеми своими странностями, что я на самом деле не понимаю, что по-прежнему удерживает тебя рядом. Ты достоин намного большего.

— Меня удерживаешь ты, Ким. Любовь к тебе. Желание быть с тобой рядом, неужели ты все еще этого не понимаешь? — облизав губы, Джейме меняет положение и ставит локти на поверхность моего рабочего стола. — Только вот что творится с тобой, я понимаю слабо. Я не хочу слать тебя, Ким. Я хочу просто знать, что происходит.

В какой-то момент мне хочется признаться ему, чтобы снять чертов груз с плеч, но... нельзя. Конечно, опомнившись, я прикусываю язык. Он не должен знать. Никто не должен.

Громко сплотив, я обхожу стол и аккуратно, точно боясь получить отказ, присаживаюсь мужчине на колени и обвиваю шею руками.

— Ничего не происходит, уверяю. Просто снова очередной странный период в моей жизни, который сбивает с толку не только тебя. Я безумно благодарна тебе за то, что ты всегда рядом. Это по-своему помогает мне, Джейме. Лучше тебе просто не принимать это на свой счет. Я поступаю так не потому, что хочу уколоть тебя, не потому что мне наплевать на твои чувства. Просто мне следует чаще сначала думать, а потом действовать. Чертов эгоизм, выработанный за столько лет одиночества, наглухо проел мне мозг.

Слушая, Джейме неотрывно разглядывает мое лицо, которое оказалось достаточно близко к его. Кончики наших носов разделяет всего пара-тройка сантиметров. Признаться, теперь я хочу поцеловать его. Закончив речь, я думаю только о его губах, но боюсь прикоснуться к ним, боюсь, что мой жест покажется мужчине актом типичного извинения, попыткой задобрить его посредством физической близости.

Но, кажется, я ошиблась в собственных предположениях: взгляд Стоуна прикован к моим губам. Сильная рука мужчины накрывает мои скулы, и кончики пальцев касаются пухлых губ. Неуверенно улыбнувшись, одариваю нежные пальцы легким невесомым поцелуем.

— Я хочу научиться любить тебя так, чтобы быть хоть немного достойной тебя, Джейме... и мне очень жаль, что пока у меня это слабо получается.

— Я не хочу, чтобы ты уходила... — признается мужчина, и я чувствую прикосновение его губ кончиком носа. — Не хочу расставаться с тобой. Но после подобных выходов я начинаю чувствовать себя ненужным.

— Чт...

— Ким, — перебивает он, приложив указательный палец к моим губам, — просто выслушай. Я не хочу быть для тебя якорем, понимаешь? Мне кажется, будто я увяз в любви к тебе, в зависимости от тебя, и с каждым месяцем этот процесс движется только вперед. А ты... ты будто осталась на том же уровне, на каком и была тогда, когда мы провели нашу первую ночь вместе. И... если я кажусь тебе обузой, лучше просто скажи. Чтобы я не мучил ни тебя, ни себя.

Округлив глаза и заключив лицо Стоуна в ладони, я слегка отстраняюсь, чтобы лучше понять выражение его лица. Это разговор должен был настичь меня. Рано или поздно..

— Нет, — шепотом выдавливаю я, чувствуя, как навязчивые слезы смачивают глаза, застилая родное мужественное и в какой-то степени аристократическое лицо Джейме. — Не говори так. Ты просто не можешь быть обузой.

Подавшись вперед, чувственно прижимаюсь к сильной мужской груди и смаргиваю непрошенные слезы.

— Прости, — шепчу ему на ухо, и по моей коже пробегают мурашки, когда теплые ладони Стоуна покрывают мой затылок и спускаются к шее.

— Люблю тебя, — отвечает Джейме. Отстранившись, он заглядывает мне в глаза, ища ответа в них, но не в словах. Склонившись вперед, мужчина покрывает мои губы своими.

С каждым днем я все больше увязаю в яме с зыбучим песком, и... черт... я не знаю, чем это всё обернется... Главное, чтобы Джейме не пострадал. Лучше я.

Комментарий к Тупик.

Хо-хо. Ссори за задержку, как я уже писала в комментах к фику “Откровенный вопрос”, дело в работе и постоянных походах по врачам. Сейчас я, наконец-то освободилась, так что задержек не будет. Стабильно по две части в неделю ждите. ^^ жду отзывов

===== Ревность. =====

(Ким Петерсон)

Заполняя накопившиеся за неделю документы, я почти разваливаюсь на столе, подпирая подбородок рукой. Признаться, работать со Стоуном было куда проще, ведь мне не раз доводилось оставлять писательскую прерогативу ему. И... кажется, он не возражал. Почти. Я даже немного скучаю по тем временам. Хотя опеки и сейчас хватает, да настолько, что я нахожусь на грани срыва, который с легкостью подтолкнет меня послать Джейме подальше.

Прошло уже двое суток после нашего разговора «по душам» и... теперь я проклинаяю то утро, проклиная каждое слово, сказанное Стоуну. Кажется, он чересчур обрадовался тому факту, что я не собираюсь уходить от него, поэтому теперь мои последовательные отказы остаться у него на ночь вызывают море ненужных раздражающих вопросов и изучающих взглядов. А что я... я уже вторую ночь с головой, вскруженной мыслями о Моллигане, едва ли сдерживаюсь, дабы не заняться самоудовлетворением. Собственно, почему бы и нет...

Да потому что на деле мне нужен сам Райли.

В последнее время меня начинают выводить из себя собственная несобранность и постоянное помышление съездить к нему. Хотя бы раз. Просто увидеть его.

— Кого я обманываю... — шепот машинально слетает с моих губ, но в следующее мгновение я вздрагиваю и, подобравшись, бросаю взгляд на дверь. Из образовавшейся щели на меня смотрит Стивенсон. Бледное миловидное лицо парня выглядит усталым и не таким счастливым, каким я привыкла видеть его, что, конечно же, вызывает ряд вопросов.

— Что-то случилось? — интересуюсь, опустив приветствие. Джордан согласно кивает и бросает щенячий взгляд в сторону кресла. — Ну, заходи уже. Не засиживайся только, иначе я снова не успею закончить с этой чертовой макулатурой.

Когда молодой детектив оказывается в кабинете, мне удастся заметить припрятанную за спиной тонкую папку, точно такую, какие в нашем участке обычно заводят для нового дела.

— Только не говори, что опять какая-то чепуха про напившуюся или обкуренную молодежь, — закатываю глаза, поставив локти на стол. — В последнее время дела совсем плохи. Ни одного стоящего беззакония. Мне даже тебя жаль.

— Нет, Ким... — выдыхает блондин и небрежно швыряет папку на стол — поверх кучи наваленных документов, — в том-то и дело, что скука, похоже, закончилась. Взгляни.

Стивенсон кивает на принесенный «сюрприз» и присаживается на мое излюбленное кресло, подаренное.... Стоуном. Везде он... везде этот дотошный, не знающий меры... и в то же время любящий и рачительный Джейме.

Неторопливо прокашливаюсь, совершенно не обращая внимания на нетерпеливый взгляд Джордана. Признаться, я не хочу заглядывать туда, потому что... в любое мгновение Райли может приняться за старое. Тогда мне не удастся отсидеться в стороне.

Несколько секунд собираюсь с духом и все-таки заставляю себя открыть папку. Первым делом в глаза мне бросается прикрепленная поверх основной информации небольшая фотография молодой девушки. И, как бы я того ни хотела, мне безошибочно удастся разглядеть неприкрытое сходство неизвестной... со мной.

Ладони в два счета покрываются испариной, и мне приходится обтереть их о джинсы, пока Джордан всё так же пристально наблюдает за каждым моим действием.

— Олисия Кроули, — читаю я вслух, — 24 года... пропала без вести 3 дня назад. Одета была в черные брюки... Чего ты так на меня смотришь? — сердито выпаливаю я, подняв глаза на детектива.

— Тебе это не навевает мысли о... о том деле? — с осторожностью охотника, выжидающего дичь, интересуется парень, выпрямив спину и приблизившись ко мне. — Она так похожа на тебя... волосы, бледная кожа, глаза... она почти такая же высокая, как и ты, глянь, — приподнявшись, Стивенсон пальцем указывает мне на графу «рост», напротив которой красуется показание в 1 метр и 78 см.

Сказать по правде, подозрения Стивенсона вызывают во мне приступ внутренней паники, но я не понимаю, к чему он клонит... Кроуфорды сидят в тюрьме, про Райли он ничего не знает.

— И что? — возникаю я, посмотрев на него исподлобья. — Мало ли, кто там на меня похож. Или ты думаешь, что таких, как я, очень мало? Поверь, нет.

Вижу по глазам и всему выражению лица парня, что тот с ума сходит, как хочет добавить что-то еще, но не решается. И я, черт бы его побрал, не знаю, хочу ли это слышать...

— Говори уже, — всё-таки роняю я, отодвинув папку в сторону.

— Помнишь... ну, ты как-то раз брала меня с собой на допрос. К двум брать...

— Я поняла, на что ты намекаешь, — спешу перебить речь парня и поспешно поднимаюсь на ноги, — и могу сказать совершенно точно: ты несешь бред. А теперь извини, но мне нужно работать.

Моя неожиданная смена настроения приводит Стивенсона в ступор, но плевать я хотела. Джордан сует нос не в свое дело. И если он не отступится, боюсь, в скором времени ему придется поплатиться за это своей жизнью.

Помедлив несколько секунд, блондин согласно кивает, едва ли не забывает забрать папку с новым делом, и спешит покинуть мой кабинет, пока я его не окликаю.

— Постой, — прошу я, и детектив замирает, встав ко мне вполборота, — ты же помнишь, что пообещал в тот день?

— Да. Молчать, — припоминает он, нахмурившись.

— Та стычка, которая произошла между мной и тем мужчиной, никак не относилась к делу о похищении девушек. И к моему похищению тоже. Просто... мы были немного

знакомы, и у нас возник камень преткновения, ясно? Забудь о нем.

— Я понял тебя, Ким, — бросает он и вылетает в коридор.

Как только мужской силуэт скрывается и я улавливаю хлопок двери, внутренний мандраж дает о себе знать, отразившись дрожью на пальцах рук, и я с тяжелым вздохом принимаюсь маячить по кабинету. Началось. Это Райли. Его рук дело. Он сказал, что ему нужна будет моя помощь, значит, он не шутил...

Думаю, не будет сюрпризом, если я скажу, что и сегодня Стоуну придется посидеть дома в одиночку, потому что я отправляюсь к Моллигану. Это нужно остановить, пока не стало слишком поздно.

Рада ли я? В какой-то степени — безудержно, ведь теперь мне не нужно выдумывать повод навестить его. Но я страшусь того, что может ждать меня в итоге.

Вырваться из участка мне удастся не раньше, чем около 10 часов вечера, поэтому я лишаю себя непозволительной роскоши заскочить домой. Еще около часа я добираюсь до дома Моллигана, в который раз проклиная себя за то, что даже не пыталась отложить деньги на собственную машину. Сейчас это крайне облегчило бы мою жизнь.

Когда знакомое строение оказывается в поле моего зрения, ноги на пару секунд невольно притормаживают, и я делаю глубокий вдох. Она там, я знаю. Похищение девушки, всем своим обликом похожей на меня, не могло быть совпадением. Райли хочет чего-то добиться...

Собравшись с мыслями и заставив себя успокоиться, уверенным шагом направляюсь к крыльцу дома. Вскоре костяшки моих пальцев достаточно громко, но неторопливо стучат по отполированной деревянной поверхности, но никто не открывает. Около пары минут мне приходится уже барабанить по двери, и я почти отчаиваюсь попасть внутрь, когда по ту сторону раздаются спешные тяжелые шаги. Дверь рывком распаивается перед моим носом, и мужская рука, схватив за ворот, с силой утягивает меня за собой в дом. Не успев понять, что произошло, я оказываюсь прижатой к стене. По-прежнему стискивая ворот пальто, Райли свободной рукой исследует мои бедра, жадно вдыхая аромат заледеневших на холоде волос.

Кончик его носа касается моей шеи, а жаркие губы оставляют на ней влажные следы, от которых я едва ли сдерживаю стоны наслаждения. Мне этого слишком не хватало. Все важные мысли и планы на время улетучиваются из головы, оставив вместо себя лишь пустоту и...вожделение. Я не хочу афишировать свою готовность и огромное желание поддаться ему, но... сопротивляться я тоже не могу. Опустив руки по швам и прикрыв глаза, я продолжаю стоять без движения, пытаюсь запомнить и вкусить каждый миг, проведенный в непосредственной близости с ним.

— Ты опоздала, Ким. Я ждал тебя гораздо раньше, — рычит он, вжимаясь в мое тело, и я ощущаю его возбуждение, впитываю жар, исходящий от Райли. Руки мужчины, оставив пальто, скорыми движениями принимаются за пуговицы, когда совершенно неожиданно до нашего слуха доносится приглушенный, едва уловимый, но всё-таки вопль.

Мои глаза вмиг распаиваются, и я в ужасе устремляю пристальный взгляд на Моллигана. Его губы медленно растягиваются в ехидной улыбке, которая действует на меня подобно удару и дает, наконец, опомниться.

Какого черта я делаю?

Руками упираюсь в грудь мужчины и толкаю изо всех сил, стараясь вырваться, но хватка Райли от моих жалких попыток становится лишь сильнее. Бледные пальцы обвиваются

вокруг моей шеи, неприятно сдавливая ее.

— Куда-то собралась? — сладким голосом интересуется он, второй рукой вернувшись к пуговицам моего пальто.

— Отпусти. Я знаю, что девушка у тебя! — говорить, как и дышать, становится крайне тяжело, Моллиган явно перебарщивает. Чувствую, как давление бьет в голову, а перед глазами мелькают полупрозрачные черные круги. — Райли... про. прошу...

— А тебе всё так же отчаянно хочется жить, Ким... но ты все так же непрестанно ищешь встречи со мной... — чмокнув мои, должно быть, уже посиневшие губы, Моллиган расслабляет хватку, давая мне возможность отдышаться. От недостатка кислорода голова начинает кружиться, и, готова поспорить, я легко оказалась бы сидящей на полу, если бы не сильные руки, удерживающие мои бедра и талию. К слову, пальто оказывается уже расстегнутым, поэтому теперь нас с Райли разделяет лишь ненавистная тонкая ткань рубашки и джинсов. Как иронично.

Щекочущее чувство в плотке заставляет меня разразиться кашлем, и я невольно задумываюсь о том, что это было мое второе за всю жизнь предсмертное состояние, и снова виной тому именно Моллиган.

— Хочешь посмотреть на нее? — мужчина отпускает меня и, не дождавшись ответа, шагает в направлении подвала, где когда-то держал и меня. Я не хочу туда возвращаться... не хочу даже приближаться к двери, ведущей в то злополучное помещение. Но, несмотря на это, мне приходится, и я тащусь за Райли, продолжая растирать ноющее от жгучей боли горло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шатен даже не оборачивается, чтобы взглянуть на меня. Конечно, он безошибочно угадывает наперед каждое мое действие... ведь он, в отличие от меня, знает, что я сделаю всё, что он скажет и предложит. Рано или поздно. А вот я по-прежнему с наивностью ребенка стараюсь противиться этому.

Едва ли ступив на лестницу, ведущую в подвал, я мигом различаю в углу помещения скрючившееся на полу, покрытое ранами и заляпанное кровью и пылью тело молодой девушки. Руки и ноги Олисии связаны, рот и глаза, как когда-то у Крис Нильсон, покрыты плотными повязками.

— Ты должен отпустить ее, — остановившись на нижней ступеньке, выпаливаю я, переводя взгляд с жертвы на похитителя.

— По-моему, я уже объяснял тебе, что никому ничего не должен, — умоляющим голосом бросает он и, подойдя к шатенке, опускается возле нее на корточки. Его ладонь касается макушки женской головы, и Кроули, взыв, принимается ерзать на полу, лишь бы освободить себя от его ненавистных прикосновений.

— Тут дело не том, должен ты или не должен. Дело в том, что я попросту сдам тебя властям. Больше никто не умрет, слышишь? — мои пальцы сжимаются в кулаки, и я с трудом сдерживаю лихорадочную дрожь, наполнившую все мои конечности. Правая рука незаметно касается рукоятки пистолета, даже несмотря на то, что я еще ни разу не осмелилась выстрелить в Моллигана. Хотя должна была. Давным давно.

— Не смейся меня, Ким... — воркует он, не сводя глаз с жертвы. Ловкие пальцы аккуратными движениями стягивают повязку, покрывающую глаза девушки, — ты попросту не сможешь этого сделать. А, впрочем... даже если и сможешь, то скажу тебе кое-что еще: мне тоже есть, чем тебя пошантажировать.

Получив возможность узреть своего похитителя, Олисия, привыкая к свету, быстро

промаргивается и, прищурившись, кидает взгляд на Райли. По бледным щекам быстрыми тонкими ручейками струятся слезы, и я в который раз с содроганием в груди слышу утробный вой. Следом взор девушки бросается ко мне. Невнятные полустоны усиливаются и учащаются.

— Ох, ты хочешь что-то сказать? — усмехается Райли, тыльной стороной ладони лаская мокрые щеки Кроули. — Думаю, твое желание усилится, если ты узнаешь, кто стоит там, на лестнице... Сказать ей, Ким?

Слова попросту застревают у меня поперек горла, и я могу издать лишь неясный писк, который едва ли долетел до них.

— Это криминальный психолог из полицейского участка. А полтора года назад она была детективом. Тебе повезло, правда, крошка? — нет ничего хуже, чем видеть в глазах человека, висящего на волоске от насилия, боли и смерти, ложную надежду. Я не уверена, что смогу спасти ее...

Заметив воодушевление на лице девушки, Райли, точно назло мне, освобождает рот шатенки, стянув повязку вниз — на шею.

— Пожалуйста! — взмолившись, Олисия, как может, пытается подползти ближе к лестнице. — Прошу вас, помогите! Я сделаю все, что вы хотите... только вытащите меня отсюда..

— Если ты сдашь меня, — продолжает Райли, с упоением наблюдая за стенаниями девушки, — я расскажу всем, что ты сделала с Кроуфордами. И что ты делала со мной. Расскажу, как громко ты стонала от удовольствия, когда я пользовался тобой здесь, прямо в этом самом подвале. И, поверь, я найду, чем подтвердить свои слова.

Услышав это, Кроули не сразу осознает смысл слов Моллигана, но когда же это все-таки происходит, сжавшись, девушка с силой зажмуривается и принимается рыдать в голос, прося помощи уже не у меня, но у несуществующего Господа.

— Видишь, ты расстроила ее, Ким... — осуждающе покачивая головой, шатен довольно резко хватает девушку за волосы и плечи и притягивает к себе. Повязка вновь возвращается на свое место, закрывая рот похищенной.

— Как ты думаешь, Олисии будет интересно посмотреть на то, с каким желанием и остервенением ты отдаешься мне? — мужчина неторопливо поднимается на ноги и направляется ко мне, выставив перед собой раскрытые ладони. Мои пальцы сильнее сжимают рукоять пистолета, что, конечно же, не ускользает от зоркого взгляда Моллигана. — Да брось, тебе еще не надоели эти игрушки? — его тело оказывается почти вплотную к моему, и я вновь ощущаю его требовательные прикосновения. Излюбленные мною руки медленно вытягивают полу рубашки из джинсов, и я стою, точно безжизненный кусок камня, вслушиваясь в сдавленные рыдания, исходящие из другого конца комнаты, и наблюдая за ужасом, мелькающим в светлых глазах Олисии.

— Оставь меня, — чуть слышно прошу я, отведя глаза от девушки, — Райли, хватит.

Поймав его запястья, сжимаю их так сильно, как только могу, но по мужскому лицу понимаю, что и этого не достаточно. Правда, ухмыльнувшись и кинув на меня последний хитрый взгляд, он всё-таки отступает, оставив меня в покое. На секунду я чувствую облегчение. Но лишь на секунду.

Моллиган возвращается к ней.

— Знаешь, почему я выбрал именно ее? — начинает он, встав на колени и притянув Кроули к своей груди. — Почему я выбрал девушку, так похожую на тебя...

(Райли Моллиган)

Один мимолетный взгляд, брошенный в сторону Ким, дает мне очевидный ответ на вопрос: конечно, знает. Но я не могу не произнести это вслух, заставив ее тем самым исходить желчью и ревностью.

— Ты так отчаянно пытаешься держаться от меня подальше... Я вернулся в этот чертов город ради тебя, а ты избегаешь встреч со мной, прячась за спиной своего никчемного мужика. Но теперь ты здесь, как я и задумал. И, знаешь... я отсюда чувствую твою неудержимую ревность, — зажав между пальцами подбородок девчонки, дергаю ту к себе и прижимаю к щеке. — Посмотри, она почти твоя копия. Только в несколько раз хуже. Твой шарж, если угодно.

— Да что ты несешь? — рывкнув, Ким вцепляется пальцами в перила, сопровождающие лестницу, но продолжает стоять на месте.

— Признайся, что-то ведь внутри тебя сжимается, когда ты видишь, как я прикасаюсь к ней, — неотрывно наблюдая за Ким, принимаюсь похабно исследовать шею, затем плечи и грудь Олисии, которая, к слову, уже порядком раздражает меня своими рыданиями, которым конца нет.

Петерсон же, громко сглотнув, продолжает наблюдать за моими действиями. Грудная клетка Ким тяжело вздымается и опускается, и мне остается лишь дожить до того момента, когда ее терпение лопнет. Жду не дождусь увидеть, чем же все это закончится. — Не сомневаюсь, ты хочешь быть моей единственной. Я тоже этого хочу, но... ты ведь не желаешь угомониться и поддаться мне. Должен же я хоть как-то развлекаться?

Мои губы изображают подлую ухмылку, и я опускаю взгляд на дрожащую и рыпающуюся Олисию. Зажмурившись, она с неистовой силой старается отстраниться, что, впрочем невозможно, учитывая ее почти полную обездвиженность. Нерасторопно, наслаждаясь моментом, стягиваю с ее плеча уже потертую, едва разорванную блузу, оголяя угловатые ключицы.

Мои губы не успевают коснуться ее виска, когда со стороны Ким раздается истерический скрип ступени, вслед за которым шуршание, и...выстрел. Брызги крови в секунду покрывают мое лицо, и в нос ударяет отчетливый, слишком резкий, но такой приятный аромат свежей горячей крови. На губах ощущается металлический привкус. Обмякшее тело Олисии оказывается лежащим на полу, когда я, добившись своего, сваливаю ее, оставляя покоиться с продырявленной башкой.

Ким, ты просто душка...

Комментарий к Ревность.

Как всегда жду ваши комменты и оценочки

===== Новая грань совершенства. =====

(Ким Петерсон)

Чертов выстрел оставляет в моих ушах долгий давящий звон, тяжелый, разрывающий голову, точно внутричерепное давление. Онемевшие руки еще несколько секунд остаются вытянутыми перед грудью, пока невидящие, широко раскрытые глаза уставлены на результат моего...безумства. Я не сразу замечаю, что совершенно забыла, как дышать. Только когда легкие принимаются изнывать от нехватки кислорода, я открываю рот и делаю сиплый глубокий вдох. Точно по нажатию кнопки все тело возвращается к жизни, а остановленное на несколько мгновений время продолжает неуловимо утекать сквозь пальцы, подобно песку. Руки, начиная от плеча, поддаются неистовой дрожи, отчего бессильные бледные

пальцы выпускают пистолет, который с характерным звуком грохается на старый дощатый пол. Мой взгляд по-прежнему в ужасе цепляется за посеревшее лицо Олисии. Точнее за то, что от него осталось. Кровавый фарш, образующий совершенно отчетливую дыру от пущенной мною пули, не позволяет отвести глаза в сторону.

Мое первое убийство. За всё время службы я даже никого серьезно не ранила.

От этих мыслей в голове случается помутнение, и всего в пару секунд, ничего не соображая, я оказываюсь в полулежачем положении на одной из почерневших от долгих лет ступенек. Что я наделала?... Всё тело бросает в жар, и я безошибочно ощущаю, как давление крупными волнами расходится откуда-то из эпицентра больной головы. В нос ударяет запах свежей крови.

Я чудовище... убила невинного человека.

Я уже давно перестала владеть ситуацией. Просто жалкая пешка, отчаянно пытающаяся казаться сильной.

— Признаться, я не ожидал такого исхода событий, — начинает Райли, сделав упор на слове «такого», и я вздрагиваю, совсем забыв о том, что нахожусь здесь не одна. — Но так мне нравится дальше больше. Так отчаянно...

Ухмыльнувшись самому себе, мужчина грубым движением ладони стирает брызги крови с губ и щек и медленными шагами направляется ко мне, отчего я невольно съеживаюсь.

— Понимаешь, что всё это значит? — Райли с удовлетворением на лице разводит руками, — теперь ты тоже в деле. Ким Петерсон, криминальный психолог, в прошлом успешный начинающий детектив, убила невинную жертву! Прямо-таки вижу это в заголовках газет.

— Прекрати, — хриплым, едва слышимым голосом прошу я, отведя глаза в сторону и опустив лицо в ладони, лежащие на коленях. — Просто замолчи.

— Нет, крошка, — остановившись возле ступеней, Райли склоняется, и я ощущаю прикосновение его окровавленных пальцев на своей щеке, которое вынуждает меня поднять голову. — Теперь, как ни крути, тебе придется мне помогать. Ты ведь не просто рискуешь лишиться славы и доброго имени, теперь ты висишь на волоске от тюрьмы. Мы с тобой похожи..

Моллигану не удается договорить: не выдержав, я, убрав от себя его руку, с силой отталкиваю мужчину и, поднявшись, бросаюсь вон из подвала. Ноги сами собой несут меня в сторону парадной двери. Налетев на нее, с треском распахиваю — так сильно, что та с глухим стуком ударяется о стену. Сделав несколько шагов в сторону леса, мои ватные ноги будто отнимаются, и, споткнувшись на ровном месте, я с едва уловимым утробным стоном падаю на землю, приложившись коленями о промерзшую почву.

Где-то за спиной раздаются быстрые широкие шаги Райли. Я хочу обернуться, но, почувствовав рвотный позыв, зажмуриваюсь и опускаюсь на четвереньки. Меня выворачивает наизнанку — так долго и беспощадно, что на мгновение я начинаю бояться, что мне предстоит распрощаться со всеми своими внутренностями. Прочистив желудок, обливаясь слезами, я отползаю чуть в сторону, но силы окончательно оставляют меня, и я беспомощно падаю на землю, дав волю рыданиям.

Я почти теряю связь с реальностью. Лишь грубые прикосновения Райли удерживают между нами тонкую нить. Обвив со спины и сцепив руки под грудью, Моллиган возвращает мое тело обратно в дом. Слабый слух улавливает щелчок: он запер дверь.

Сохраняя молчание, шатен затаскивает меня в ванную, где, сперва смыв с собственного лица и рук брызги крови, смешанные с грязью и пылью, принимается умывать и меня. Уверенные прикосновения его ладоней и холодной воды немного приводят меня в чувство. Я на секунду замираю, когда перед лицом оказывается стакан воды, но позже с жадностью принимаю его и полностью осушаю. Сильные мужские руки принимаются стягивать с меня одежду, но, что удивительно, Райли не пристаёт ко мне. Точно обученный солдат, он быстро и ловко раздевает меня до нижнего белья, что в который раз наводит на мысль о том, как много раз ему доводилось проделывать это с девушками, сопротивляющимися, полумертвыми или уже давно остывшими.

Закончив с одеждой, мужчина оставляет ее томиться на полу. Сильные руки подхватывают меня, и я оказываюсь перекинутой через плечо мужчины, который относит меня в спальню, где с равнодушием почти бросает на постель. Я с ужасом все жду, когда Моллиган примется извращаться надо мной, но... нахмурившись и поджав губы, он укрывает меня прохладным тяжелым одеялом. Последнее, что я вижу перед тем, как, дрожа, проваливаюсь в сон: силуэт Райли, удаляющийся из комнаты.

(Райли Моллиган)

Я не слухавил, когда сказал, что Ким удалось удивить меня. Это, действительно, правда. Я ожидал чего угодно: нервного срыва, нападения на меня, угрозы... в конце концов, я еще мог предугадать ее попытку вырубить Олисию, но... убийство? К тому же с помощью выстрела в голову... Мне еще ни разу не удавалось видеть ее такой хладнокровной. Но это лишь в очередной раз подтверждает мое бесспорное умение манипулировать ею, доказывает ее безграничную слепую любовь.

Ревность, которая сыграла свою роль. Сыграла превосходно.

Прибравшись в подвале и спрятав тело Олисии в мешок, я наскоро принимаю душ, после чего заглядываю в спальню, где лежит Ким. Петерсон по-прежнему спит. Свернувшись под одеялом в клубок, девушка слабо постанывает, и, замерев на пороге, я с интересом всматриваюсь в ее хмурое лицо. Зайдя в комнату, опускаюсь на край матраса. Света, падающего из коридора, достаточно, чтобы разглядеть женские черты, и невольно я начинаю любоваться Ким. Темные волосы, на свету всегда отливающие оттенком лесного ореха, легко рассыпались по подушке, и лишь пара прядей нагло покрывает острые скулы. Этот запах... Склонившись, вдыхаю никогда не угасающий аромат вишни и корицы, сводящий с ума, дурманы, точно дьявольские феромоны.

Цепляю край одеяла и легко стягиваю с угловатого плеча девушки, открывая сохранившийся шрам, оставленный мною в этом самом доме больше года назад. Кончики пальцев медленно изучают его, и я не могу отделаться от воображаемой картины, в которой проделываю это с Петерсон вновь и вновь.

Я отчетливо помню удовольствие, даже удовлетворение, испытанные при виде каждой капли крови, проступающей на коже Ким, от каждого болезненного стога, вырывающегося из ее рта. Но... смотря на шатенку сейчас, понимаю как никогда ясно, что не хочу убивать ее. Если раньше мне казалось, что для Ким, идеальной и совершенной, нет ничего лучше, чем распрощаться с жизнью молодой и цветущей в центре моих "часов", оставленных специально для нее, то теперь я осознаю, что не могу позволить себе потерять ее. К тому же собственноручно. Разве можно лишать себя совершенства? Это невероятно глупо.

Прожив полгода вдали от Петерсон, я понял, что не могу отказаться от удовольствия созерцать ее, владеть ею. Я люблю ее. Но... это не сопливая любовь, кружащая голову

романтичным идиотам, считающим, что, полюбив, они познали в этой жизни все. Чувство, что связывает нас, помогло мне открыть для себя новую грань совершенства. Я не хочу причинять Ким боль, мучить ее до полусмерти. Наша любовь делает все куда более умело и красиво: она ломает Петерсон изнутри. Растаптывает ее, заставляя подавлять ее внутреннее «я», заставляя идти у меня на поводу. И как бы она ни старалась сопротивляться, мы оба понимаем, что ее зависимость уже давно превратилась в одержимость, которую девушке не побороть.

И для меня нет ничего краше, чем наблюдать эту борьбу и каждый раз одерживать победу.

(Ким Петерсон)

Не знаю, как долго я проспала, но, почувствовав легкую головную боль и продрал глаза, осознаю, что на улице еще ночь. Комната наполнена слабым светом луны, которого едва хватает для того, чтобы рассмотреть очертания стен и предметов. Находясь в полусонном состоянии я не сразу вспоминаю последние события, но когда память все же приходит в норму, меня наполняет чувство тяжести, распирающее изнутри. Кажется, будто оно вот-вот проломит ребра и попросту хлынет вон из моего тела. Мне бы этого хотелось. По крайней мере, возможно, хоть так я смогла бы ощутить легкость. Слезы уже не идут, поэтому, упиваясь внутренней болью, я лежу, вслушиваясь в ночную тишину дома, и только теперь осознаю, что в спальне есть кто-то еще. Тяжело перевернувшись на спину, нахожу рядом с собой Моллигана. Его лицо кажется мне каким-то нереальным. Такое спокойное, умиротворенное... Райли кажется едва ли не беззащитным и безобидным. Я почти не слышу его дыхания. Его образ наталкивает меня на мысли о спящем звере. Но... он не зверь. Это дьявол, живущий в теле человека.

Стараясь не шуметь, ложусь на бок — лицом к Моллигану. Не могу перестать рассматривать его теперь. Мне слишком сильно хочется запомнить его таким.

Сегодня я убила. Из-за него. Из-за собственной больной ревности, немощности... Закрывая глаза, я по-прежнему вижу, как он прикасался к той девушке, а затем я вижу ее простреленную голову. Но я ведь понимаю, что он сделал это нарочно... Он все продумал заранее. Идеальный игрок, который, пожалуй, еще ни разу не потерпел поражения.

Наблюдая за Райли, я не могу противиться собственному желанию прикоснуться к нему. Ладонь машинально тянется к его лицу, и кончиками пальцев я с легкой дрожью в ладони провожу по теплым мягким губам мужчины.

Почему меня так влечет к нему? На что еще, черт подери, я готова ради него...

Сглотнув, медленно опускаю ладонь на открытую шею и далее — на мужественную оголенную грудь, которая плавно вздымается и опускается под моими пальцами. Я должна что-то с этим сделать. Так не может продолжаться вечно. Я обязана сопротивляться, но, что если я не хочу? Я уже не смогу пережить его потерю во второй раз. Не хочу.

Не хочу.

(Райли Моллиган)

Ким осторожно водит пальцами по моей груди, даже не подозревая, что я не сплю. Но мне надоела эта игра. Надоели эти сопливые акты нежности и прочей ерунды. Дождавшись, когда ладонь Ким доберется до моих ключиц, с силой ловлю ту за запястье. С женских губ срывается слабый возглас. Подняв веки, вижу, как шатенка уставилась на меня, тяжело дыша. Терпеливо ожидаю, пока та начнет сопротивляться, но Ким, выдержав долгую паузу, напротив, порывисто подается ко мне и примыкает к губам. Продолжая стискивать запястье

девушки, чем заставляю ее наморщиться от боли, сильнее притягиваю Петерсон к себе. Жадно целую ее губы, покусывая и оттягивая их, свободной ладонью ненасытно блуждаю по спине и узким бедрам шатенки. Ловким движением руки расстегиваю бюстгалтер и наспех срываю с тела Ким, не жалея вещицу. То же самое происходит и нижней частью белья, которая отправляется куда-то на пол.

Со звериной яростью перекидываю легкое податливое тело на матрас и покрываю своим, нависая над Петерсон, кусая и облизывая пульсирую шею. Схватив Ким за грудь, сжимаю ее, заставляя девушку стонать, болезненно и вместе с тем удовлетворенно. Стройные длинные ноги обвивают мой торс, вынуждая сильнее прижаться к женскому телу. Покрывая выступающие ребра скорыми влажными поцелуями, поднимаюсь выше и принимаюсь покусывать затвердевшие соски, со свирепостью вжимая тело девушки в жесткую кровать. Ким уже с трудом удается сдерживать себя: эротичные, умножающие мое возбуждение до невероятных пределов, стоны становятся все громче и откровеннее. Характерные толчки Петерсон говорят о том, в каком нетерпении та пребывает. Запрокинув голову, одной рукой зарывшись в мои волосы, сжимая их, второй она касается давно затвердевшего члена, стараясь сделать все самостоятельно, не в силах терпеть хоть еще немного, но я не собираюсь поддаваться ей.

— Нет, — хрипло срывается с моих губ. Убрал от себя руки Ким, отдираю ту от матраса и рывком переворачиваю, заставив встать на четвереньки. Жестко, не жалея кожи, оставляя на ней царапины и покраснения, хватаю девушку за бедра и притягиваю к себе. Ким едва удается принять удобное устойчивое положение, когда я — неожиданно для девушки — вхожу в нее до конца, яростно и грубо. Уши наполняет громкий, наполовину напуганный, наполовину измученный возглас, но мне плевать. Взяв девушку под грудь, заставляю ее выпрямиться и с силой прижимаю к себе, при этом порывисто и непоследовательно двигаясь. Зарываюсь в темные волосы шатенки, натягиваю их, вынуждая Ким откинуть голову. Кончиками пальцем вожу по ее губам, с которых раз за разом, с каждым новым толчком срывается очередной стон, затем проникаю ими ей в рот, вынуждая облизывать и покусывать.

Наша кожа покрывается испариной, и чем дольше все это продолжается, тем отчетливее я понимаю, насколько мне мало этих прикосновений. Оставив рот Петерсон, хватаю ее за плечо, на котором когда-то красовалась свежая глубокая рана, и сжимаю его, пытаюсь воспоминаниями, вспыхнувшими перед глазами.

— Ты моя, Ким, — громко шепчу ей на ухо, целую и покусывая его. — Моя собственность. Навсегда.

Комментарий к Новая грань совершенства.

Что ж, вот и долгожданное продолжение. Жду вашего мнения.

А также хочу добавить, что эту часть я посвящаю моему преданному читателю Nancy Dima, потому что развязка после событий, описанных в предыдущей главе, доставила мне немало хлопот в те времена, когда фик находился в процессе разработки. Пришлось отметить и сравнивать 3 варианта развития событий, подсчитывая и гадая, какой будет более оправданным и подходящим. Это, собственно, и есть те трудности бытия автора, о которых мы с вами и разговаривали. А вообще, может, уже на “ты”?

===== Время перемен. =====

(Ким Петерсон)

Я не хочу вставать. Не хочу даже шевелиться, менять позу или разлеплять невероятно

тяжелые веки, но я должна.

Просто должна уйти отсюда и заставить себя больше никогда не возвращаться.

Как нельзя кстати настойчивый луч восходящего солнца падает мне на лицо, заглядывая в дом через не завешанное окно спальни Райли. Ядовито красный яркий свет давит на глаза, и мне приходится открыть их, после чего, прищурившись, я спешу оборвать скользящий сквозь комнату луч ладонью.

Райли по-прежнему находится рядом. Мужчина лежит на животе, почти полностью зарывшись лицом в подушку. Взъерошенная голова повернута к выходу, поэтому я не могу понять, спит ли он. Мне остается лишь надеяться, что я смогу проскользнуть мимо и покинуть дом незаметно.

Медленно, почти бесшумно соскальзывая с края матраса, ощущаю прилив ноющей боли на коже бедер, покрытых почти свежими царапинами, оставленными этой ночью. Взгляд невольно падает на оголенную спину мужчины, и я громко сглатываю. Что мешает мне убить его прямо сейчас? Найти ствол и пристрелить его, пока он спит.

Удивительно, насколько крепко эта идея укореняется в моем сознании, но чем дольше я смотрю на сильное мужественное тело Моллигана, взглядом скольжу по плечам, мускулистым рукам, спине и бедрам, тем сильнее понимаю, что даже при всем своем желании освободиться от него — попросту не смогу сделать этого. Неужели из этой ситуации нет выхода?

Но ведь выход есть всегда... Разве нет?

Отбросив ненужные мысли в сторону, заставляю себя подняться и, прихватив нижнее белье, осторожно — на цыпочках — покидаю комнату, на всякий случай бросив быстрый взгляд в сторону Райли. Кажется, спит.

Мне удастся найти свои вещи в ванной комнате — там же, где еще вчера оставил их Моллиган. Я стараюсь не смотреть в зеркало, пока впопыхах натягиваю джинсы и блузку. Не знаю, что именно я боюсь там увидеть... Жалость в своих глазах? Нежелание уходить? К черту.

Бледные напряженные от волнения руки спешными движениями приглаживают потрепанные волосы, после чего, отыскав пистолет и верхнюю одежду на кухне, я спешу покинуть дом. Сотовый, оставленный на ночь в кармане пальто, показывает шесть пропущенных от Стоуна, а также 2 сообщения — одно из которых оказывается уже открытым — от него же. Значит, Райли все-таки заглядывал в телефон...

«И где ты? Только не говори, что опять что-то с телефоном. Ты не берешь трубку».

«Я был у тебя дома, Ким. Он пуст. Может, объяснишь? Почему ты снова так поступаешь?»

Цокнув языком, поднимаю глаза к небу и шумно выдыхаю. Если бы я знала, Джейме... с удовольствием рассказала бы. Для начала самой себе.

Вялые ноги медленно тащат меня по лесу. Такси вызывать я не стала. Сейчас свежий воздух — как раз то, что мне нужно. Прерывисто дыша, я с пустой головой наблюдаю за облачками пара, вырывающимися из моего рта. На часах половина 7. Суббота. Не думаю, что звонить Джейме сейчас — хорошая идея. Да и вообще, что я собираюсь сказать ему? Что отправилась на ночную прогулку? Последнее смс от Стоуна пришло около 3-х ночи. Значит, забыв про сон, он потащился ко мне, чтобы проверить, в порядке ли я?

Боже, Джейме... что бы ты сделал, узнай, чем я занималась на самом деле?... И с кем...

Кажется, от всех этих мыслей у меня поднимается температура. Тело поддается

неприятной лихорадочной дрожи, и я понимаю, что не на шутку замерла. Благо, до дома осталось совсем немного. Я и не заметила, как одолела две трети пути.

Сказать по правде, мысли так и норовят вернуться к образу Райли. Будто помешанная, я чувствую незамедлительный прилив возбуждения, вспоминая события минувшей ночи. И какая-то часть меня не на шутку раздражена тем фактом, что теперь, не выспавшаяся и замерзшая, я плетусь домой, оставив Моллигана лежать одного. Но я должна как-то разрешить эту проблему. А появление Райли и тот факт, что вчера я убила человека, бесспорно, являются проблемой. Огромной проблемой.

И, думаю, первое, что мне стоит сделать — порвать с Джейме. Стоун не заслужил подобного обращения, а я... мне давно пора было признаться себе в том, что его забота, теплота, трепетное желание...ничто из этого никогда не способно заставить меня полюбить его. Пришло время делать выбор. И я его сделала.

Правда, несмотря на собственную готовность, я не спешу связаться с женщиной и начать душещипательный разговор. И отчего-то Стоун сам не выходит со мной на связь, возможно, преданно ожидая, что хотя бы в этот раз я сделаю первый шаг самостоятельно. Как бы я этого хотела...

Провалившись все выходные в кровати, глотая пилюли против температуры и для профилактики простуды, всю следующую неделю я, не привлекая к себе лишнего внимания, отсиживаюсь в кабинете и без притязаний на похвалу молча выполняю всю предложенную мне работу. Кажется, я еще никогда в жизни не справлялась с бумагами с подобной усидчивостью. День ото дня мне приходится выслушивать Стивенсона, который, несмотря на неплохие успехи в должности детектива, всё-таки частенько не может и шага ступить без моего совета, откровенно веря в то, что дело с Кроуфордами было моим так называемым прорывом. Он, и в правду, думает, что я...профессионал своего дела. Думаю, сейчас самое время нервно усмехнуться и пустить одинокую слезу отчаяния. Он понятия не имеет о том, кто я на самом деле.

И, что самое паршивое, Джордан никак не может отделаться от навязчивой мысли о том, что похищение Олисии как-то связано со мной. Парню невдомек, что девушка давно мертва, а его догадки... стопроцентно верны. Несколько раз мне откровенно хотелось рассказать ему. Истериически рассмеяться, заплакать и выложить все, но... нельзя.

Что же касается Райли... за все 7 дней, прошедших со дня нашей последней встречи, мужчина не давал о себе знать. Никак. Ни новых похищений, ни записок. Ничего. Его будто и не было в моей жизни. Будто Моллиган и не возвращался в Инвернесс. Если бы этой было правдой...

Дожив до окончания рабочей недели, я неохотно покидаю излюбленное кресло, нацелившись отправляться домой, но, сделав пару шагов, понимаю, что тянуть больше нельзя. Поджав губы, достаю из кармана брюк телефон и набираю номер Стоуна. Надеюсь, разговор не затянется и... не превратится в эдакую пытку. Джейме ведь должен понимать, что подобный исход был неизбежен, все это было лишь делом времени.

— Ким? — голос Стоуна заставляет меня вздрогнуть и задержать дыхание. Что я должна сказать?

— Привет, — слово машинально слетает с губ, и, как мне кажется, интонация выходит...донельзя глупой.

— Ты позвонила... — выдыхает мужчина и делает недолгую паузу. — Через неделю.

— Д-да...прости, — выпаливаю я, заикаясь. — Вообще-то я звоню сказать, что нам

нужно поговорить. Сегодня же.

— По телефону?

— Нет. Давай встретимся. Только не дома, — отчего-то я не хочу оставаться с Джейме наедине. Мне нужно пространство. Нужны люди. Так я смогу чувствовать себя увереннее рядом с ним. — Может, в какое-нибудь тихом кафе? Или кофейне?

— Хорошо, — задумчиво тянет Стоун, кажется, напрягшись. — Может, в «Atlantis»?

— Да, — пожимаю плечами и принимаюсь расхаживать по кабинету. — Отлично. Сможешь добраться туда за полчаса?

— Без проблем. Ким? — быстро спрашивает он, будто боясь, что я могу бросить трубку и вновь исчезнуть для него на неопределенный срок. — Всё в порядке?

Признаться, его вопрос ставит меня в тупик. Порядок? А что вообще такое порядок?

— Не знаю, Джейме, — честно признаюсь я, шмыгнув носом. — Думаю, что может быть в порядке после нашего разговора. По крайней мере, хотя бы у одного из нас.

«У тебя», — добавляю я уже про себя и кладу трубку.

Мне приходится вызвать такси, чтобы прибыть в кофейню к условленному дедлайну. Я терпеть не могу спешку, но... именно сегодня мне хочется как можно скорее решить вопрос с Джейме и отправиться домой. Так будет лучше. Для нас обоих.

Удивительно, но, подходя к заведению, я сразу же улавливаю силуэт мужчины за стеклом. Значит, не одна я рванула с места, будто ужаленная. Думаю, он обо всем догадывается. Возможно, это и к лучшему. Так вести беседу будет даже проще.

Остановившись возле входной двери, я в неуверенности делаю несколько глубоких вдохов. Черт. Сидя у себя в кабинете, я была настроена решительно, но теперь... увидев его...

— Девушка, разрешите, — голос, неожиданно раздавшийся из-за спины, вынуждает меня обернуться. Изогнув одну бровь, незнакомец кивает на дверь, и я, недолго соображая, понимаю, что загородила путь.

Виновато улыбаюсь, кидаю едва слышное «конечно» и отхожу чуть в сторону, давая мужчине пройти внутрь заведения, сама же следую прямо за ним.

Джейме быстро находит меня возле входа и порывается встать, чтобы помочь раздеться, но я отрицательно качаю головой.

— Сама справлюсь. Лучше закажи нам чего-нибудь горячего, — советую я.

Через несколько минут перед нами уже стоят две чашки свежесваренного латте.

Оказавшись в непосредственной близости, сидя прямо напротив Джейме, я чувствую еще большую неуверенность. Меня гложет чувство вины, но... ведь вина и должна заставить меня развязать язык и отпустить Стоуна, так ведь?

— Ты хотела поговорить, — напоминает брюнет, видимо, устав слушать тишину и следить за моим ничего не выражающим лицом.

— Да, — согласно киваю и делаю очередной глоток крепкого напитка. — Бьюсь об заклад, тебе хотелось бы услышать объяснение, касающееся того дня, когда я неожиданно исчезла, но... вообще-то я не собираюсь ничего тебе объяснять. Я пришла сюда за другим.

Кажется, неожиданная решительность, появившаяся в моем голосе, удивляет мужчину. Потупившись, он в недоумении разглядывает чашку, стоящую перед его носом, но сохраняет молчание. Он готов слушать.

— Не знаю, станет тебе легче или же, наоборот, тяжелее после нашего разговора, но... я уверена в одном: пройдет время, и ты поблагодаришь судьбу за такой исход и..

— Ты пришла сюда, чтобы порвать со мной? — перебивает он, подняв на меня глаза. Пристальный, пригвождающий к месту взгляд приводит меня в замешательство, и я не могу выдать ни слова, точно проглотила язык. — Да, — кивает он, убедившись в собственной догадке, — не могу поверить...

— Правда? — удивленно переспрашиваю я и, черт, нервно усмехаюсь. — После всего, что тебе пришлось вынести? После всех моих замашек, проблем и прочей ерунды? Неужели тебе самому не надоела такая жизнь, Джейме?

— Надоела? — восклицает он чуть громче, чем нужно было: несколько пар глаз обращаются к нам, но вскоре теряют интерес, и я выдыхаю. — Ким, я думаю, что не удивлю тебя, если скажу, что терпеть твои выходки мне помогает чертова любовь. Но, о боже... Я уже начинаю ненавидеть это чувство. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к тебе и... попросту пользуешься этим. Ты даже не пыталась относиться ко мне снисходительнее, теплее. Ты просто появляешься тогда, когда хочешь, и исчезаешь, когда тебе становится скучно. Так ведь?

— Джейме, я...

— Хватит, Ким. Знаешь, может, в какой-то мере я и не удивлен тому, что мы пришли, наконец, к этому разговору. Разочарован ли я? Да, — в сердцах признается он, не сводя с меня гневного болезненного взора. — Признаю, надеяться на твои ответные чувства было глупо. Заставить любить насильно или из жалости — невозможно. Но меня задевает даже не тот факт, что ты так и не сумела найти в своем сердце места для меня, хотя бы самую малость. Меня поражает то, как долго ты могла пользоваться моим добросердечием. Ты... раньше ты не была такой.

Каждое слово Стоуна ранит меня сильнее предыдущего, и когда мужчина замолкает, я чувствую потребность скрыться. Остаться наедине с собой, чтобы не сорваться и не наговорить ему грубостей.

— Я всегда была такой, Стоун. Дело лишь в том, что тебе это было невдомек. Я просто решила переспать с тобой однажды. А ты, влюбленный идиот, счел это симпатией, умудрился помешаться на мне, точно какой-то жалкий мальчишка. Тебе давно пора было снять розовые очки и бросить меня, но нет... ты упивался надеждой. Да какой нормальный человек будет выносить все это дерьмо из раза в раз? Неужели у тебя совсем нет самоуважения? Ты бы хоть раз прислушался ко мне, я ведь никогда не скрывала того факта, что не люблю тебя.

Как я ни старалась сдерживать эмоции, последние слова звучат чересчур громко и жестко. Недовольные посетители вновь поворачиваются к нам, но теперь мне плевать.

— Не нужно делать из меня ту, кем я не являюсь, — напоследок говорю я, поднимаюсь из-за стола и, схватив пальто и бросив на стол деньги за кофе, покидаю заведение.

Меня пробирает злоба. Спрятав руки в карманы, я широкими шагами достигаю остановки и, шумно дыша, мысленно поливаю мужчину грязью. Как можно быть настолько жалким? Любовь! Я не давала ему надежд, ничего не обещала, не врала по поводу своих чувств. В чем моя вина? Любовь ко мне растоптала его достоинство.

Так же, как моя любовь к Райли растоптала мое...

Комментарий к Времени перемен.

Жду ваших оценок и комментариев. Собственно, эта история уже подходит к концу. Не за горами развязка событий. Осталось где-то пару частей и эпилог. Постараюсь не затягивать, дабы поскорее удовлетворить ваше любопытство.

Приятного прочтения!

===== Какая ирония. =====

(Ким Петерсон)

На часах уже половина двенадцатого дня, но я даже не старалась высвободиться из оков воздушного, до изнеможения теплого и такого приветливого одеяла. Почему я не могу переждать здесь..., пока все проблемы не решатся сами собой. Пока чертова буря, разметавшая мою устоявшуюся жизнь, не сойдет на нет?

Переворачиваюсь со спины на живот и утыкаюсь носом в подушку. Перед глазами является образ Стоуна, и я хрипло выдыхаю, стараясь заставить себя забыть. Он ведь психолог... Психолог, чтоб его! Тогда почему он не понимает? Почему позволяет себе так обманываться? Кормится надеждами, точно наивный ребенок.

Вспоминая его вчерашнее выражение лица, реакцию, весь наш разговор в целом, я начинаю злиться, сама не зная — почему. Думаю, я ожидала немного другого. Джейме всегда казался мне сдержанным, понимающим и... донельзя умным. Он должен был понять. Просто кивнуть и уйти.

— Какой же бред, — выпаливаю я, оторвавшись от мягкой подушки. Принимаю сидячее положение и собираю спутанные волосы в низкий хвост. — Отреагировать так мог только бесчувственный пень.

Тишина комнаты разрывается шумным вздохом. Со Стоуном, кажется, покончено. Но что теперь? Я готова поддаться Райли?

Холодные ладони касаются лица, и я несколько секунд усердно растираю глаза, стараясь собраться с мыслями, правда, сделать это мне мешает звонок в дверь. Странно, я не слышала шума подъезжающей машины.

Сглотнув, впопыхах натягиваю удлиненную футболку и подхожу к окну, чтобы увидеть непрошеного гостя, которым оказывается... Стивенсон. Мои брови медленно хмурятся. Не могу сказать, что рада видеть Джордана теперь. Конечно, мы хорошо подружились за последние месяцы, но его нездоровый интерес к персоне Райли начинает меня изрядно напрягать. Его приезд в выходные, да еще и без предупреждения вряд ли сулит что-то приятное.

Что ж, но держать парня на крыльце я все равно не могу.

Направляясь к двери, надеваю домашние безразмерные шорты и поправляю волосы, которые за ночь потеряли первостепенную свежесть. Правда, всё это не делает мой вид особенно лучше.

Когда парадная дверь отворяется, Стивенсон, доселе всматриваясь в полосу леса, что проходит всего в нескольких метрах от моего дома, резко оборачивается и заставляет свои пухлые губы растянуться в улыбке. Но я-то вижу, насколько она наполнена неумелой фальшью.

— Джордан? — вскидываю брови, бедром прижавшись к косяку. — Что ты здесь делаешь?

— Привет, Ким, — здоровается парень и, переминаясь с ноги на ногу, медленно пробирается ближе ко мне, будто блондину не терпится попасть в дом. — Понимаю, сегодня выходной и вообще мне стоило позвонить, но... послушай! Мне срочно нужно с тобой кое-что обсудить.

— И это не потерпит до понедельника? — скептически спрашиваю я, заранее зная ответ. Он не уедет, пока не выложит мне все.

Джордан умоляюще сводит брови, и, как мне кажется, парень готов уже встать на колени, только бы я позволила ему войти.

— Ладно. Заходи. Только ненадолго, — нехотя соглашаюсь я и пропускаю гостя в дом, не забыв после этого оглядеть окрестности. Не хотелось бы мне, чтобы Райли узнал о его посещении.

Стивенсону уже доводилось бывать у меня дома, поэтому молодой детектив без стеснения и особого приглашения проходит на кухню, где занимает один из стульев. Присаживаться я не рискую. Скрестив руки перед грудью, встаю возле столешницы и внимательно разглядываю Джордана. Не уверена, что хочу знать причину его визита.

— Ким, — быстро начинает он, едва ли не давась словами. Огонек, появившийся в зеленых глазах, заставляет меня напрячься. Только бы это не было связано с Моллиганом. — Райли Моллиган в Инвернесе!

Твою мать!

Услышав имя, я едва ли сдерживаюсь, чтобы не выругаться и не ударить кулаком по столу. В горле застревают ком, и я сжимаю пыльца в кулаки. Нельзя подавать виду. В эту минуту Моллиган ничего для меня не значит.

— Я следил за ним. Точнее... я решил проведать тот дом. Почему-то история с Кроуфордами и схожесть новой похищенной с тобой не давали мне покоя. Знаю, — восклицает он, наблюдая за моей реакцией, — ты сказала забыть об этом, но всё-таки чутье подсказало, что я должен побывать на территории братьев. Только, Ким! Когда я приехал, машина Моллиганов оказалась там. Это очень подозрительно. Райли появился именно тогда, когда произошло очередное похищение. То..

— Стивенсон, — перебиваю я, чувствуя прилив агрессии и в то же время неудержимой тревоги. В комнате становится будто невыносимо душно, и я ненароком бросаю взгляд в сторону окна, — почему ты решил, что приехал именно Райли? Может, оба брата решили вернуться домой?

— Я видел его! Говорю же, следил за ним. Я наблюдал около трех-четырёх часов. Уверен, Эллиса в Инвернесе нет.

— Стоп, — жестко чеканю я, потупившись. — К чему ты все это? Джордан, — смотря точно в крупные зеленые глаза, я вдруг ощущаю где-то под ребрами желание вырубить парня, чтобы дать себе время поразмыслить. Он подбирается слишком близко. Лучше бы тебе не покидать зону комфорта, дружок. — Настоящие похитители, то бишь Кроуфорды, сидят за решеткой. Благодаря мне.

— Я знаю! — подхватывает блондин, подскочив с места, но затем заставив себя снова присесть. — Но не стоит исключать возможность того, что и Моллиганы могут быть в чем-то замешаны!

— Что?! — начиная закипать, я расцепляю руки и принимаюсь ходить по комнате. — Ты несешь полную ахинею. Сколько раз еще нужно сказать тебе, что Моллиганы чисты? Наша стычка с Райли ничего не значит. Подозревать человека на ровном месте, просто потому что он приехал не в то время, нельзя. У тебя нет доказательств, нет вообще ничего. Это непрофессионально.

Удивительно, насколько резко и непредсказуемо меняется вдруг лицо Стивенсона, сделавшись серьезным, почти состарившись. Прямо на моих глазах Джордан обратился в зрелого опытного детектива. И это не может не пугать.

— Я бы не пришел сюда просто так, — уверяет он, будто оскорбившись моими

обвинениями. — Райли показался мне подозрительным. Весь его вид... поведение...

— Хах! — восклицаю я, нервически усмехнувшись. Ну, точно моя копия! Человек-интуиция, чтоб его. — Слышал бы тебя сейчас Стоун! Знаешь, Джордан, — уже успокоившись, продолжаю я, подойдя ближе к детективу, — когда босс тогда вручил мне это чертово дело о похищениях и мы начали прочесывать все дома, в которых жили братья, я спать не могла, потому что была уверена в том, что именно Моллиган творит это беззаконие. Но в итоге я благодарна Джейме за то, что он заставил меня мыслить объективно, не поддаваться долбанной интуиции. Тебе я советую поступить так же. Иначе опозоришься, как когда-то могла опозориться я.

— Вот видишь, ты тоже поняла, что с ним что-то не так, — парень неумолимо гнет свое, и я едва ли не взрываюсь. Мои ноздри раздуваются от тяжелого выдоха, и я спешу отвернуться.

— Ты меня совершенно не слушаешь. Надеюсь, ты ни с кем еще не успел поделиться этим бредом??

— Конечно, нет, — Стивенсон прочищает горло и встает на ноги. — Я пришел за помощью именно к тебе, потому что ты профессионал, Ким. И на самом деле мне жаль, что теперь ты ведешь себя, как... как тот же Стоун, — замявшись, он громко сглатывает. — Я не хотел сказать ничего плохого, просто...

— Так что ты собираешься делать теперь?

— Как? — искренне удивляется парень, будто ответ крупными буквами написан на его лбу, — конечно, поеду шпионить за Моллиганом. Я должен выяснить, что он скрывает. Возможно, мне удастся застать его врасплох.

— Боже... даже если ты прав... ты ведь должен понимать, что соваться к «преступнику» вот так — в одиночку — нельзя! Или тебе жить надоело??

— Поехали со мной?! — бездонные, наполненные надеждой и юношеским максимализмом глаза воззряются на меня, и на миг я чувствую укол совести.

— Не смейся. Я уже высказала свое мнение, — пожимаю плечами и спешу налить себе стакан воды, который наскоро осушаю.

— Тогда я поеду один, — понуро отвечает он и направляется к выходу. — Говорить кому-то о своих догадках я не собираюсь до тех пор, пока не буду окончательно уверен в том, что прав. Всё-таки, я должен застраховать себя от риска публично оплошать. Съезжу... узнаю, а там будет видно.

— Одумайся, — уже тише прошу я, следуя за Джорданом по пятам, но, глядя на блондина, понимаю, что он не отступится. Так же, как когда-то я.

— Пока, Ким. Спасибо за честность! — не оборачиваясь, Стивенсон машет мне на прощание и спешит запрыгнуть в машину. Я замираю на крыльце, выдерживая на лице равнодушное выражение и ожидая, пока детектив скроется с поля зрения, после чего со всех ног бросаюсь в дом.

— Черт, черт, черт, — шиплю себе под нос, добравшись до спальни и теперь стараюсь разыскать собственный сотовый, зарытый где-то под просторным одеялом.

Когда вещь оказывается в моих руках, дрожащими пальцами, от расторопности промахиваясь и теряясь, нахожу в записной книжке номер Нильсон и жму на кнопку «вызов».

Несколько гудков, наполняющих слух, кажутся мне вечностью. Топчась на месте, я то и дело бросаю тревожный взгляд в сторону окна.

— Привет, Ким, — наконец, раздаётся на том конце, и я облегченно выдыхаю.

— Крис! — нервно выплевываю я, — мне нужна твоя помощь!

— Что-то случилось? — от моего слуха не ускользает волнение, зародившееся в голосе девушки.

— Нет... то есть... да... черт! Крис, я очень тороплюсь. Мне нужно, чтобы ты сообщила мне номер Райли. Он... он ведь не менял номер? У вас есть с ним связь?

— Райли? — с сомнением переспрашивает Нильсон, понизив тон голоса. — Но зачем он тебе? Ким, он, что, что-то снова..

— Нет! Крис, говорю же, нет времени. Ты можешь прислать мне его номер? Прямо сейчас?

— Д-да, могу! — она торопится ответить, кажется, не на шутку испуганная моей нервозностью и нетерпением. — Сейчас, скину по смс, хорошо?

— Спасибо! Крис, обещаю, потом, возможно, я всё расскажу. Только... не говори ничего Эллису, ладно?

— Аг... — не дослушав, я отключаюсь и принимаюсь ждать. Голова начинает трещать. Почувствовав легкий приступ паники, я заставляю себя опуститься на край матраса и прячу лицо в ладони. Нужно успокоиться.

— Ну же, ну же... давай... — твержу я, мысленно проговаривая имя Нильсон, умоляя ее поторопиться.

Мобильное оповещение заставляет меня вздрогнуть. Выпрямив спину, подношу телефон почти к носу, стараясь делать все как можно быстрее. Копирую присланный номер в поле набора и, нажав «вызов», замираю. Какая-то часть меня приходит в ступор, боясь и одновременно желая услышать его.

— Да? — бархатный, немного хриловатый голос заставляет меня на мгновение потерять дар речи. Будто я нахожусь рядом с ним... совсем близко...

— Райли, — выпаливаю я, мысленно напомнив себе, что сейчас нет времени на лирику. — Это Ким.

— Ким? — переспрашивает мужчина, и я отчетливо слышу довольную усмешку. — Не сдержалась-таки... где ты нашла мой номер? Эллис?

— Какая к черту разница, где я нашла твоя номер?! — несдержанно бросаю я, — вскочив на ноги. — Стивенсон! Молодой детектив... он был стажером, когда я расследовала дело о похищениях. Он следил за тобой.

— А, ты об этом парнишке? — кажется, будто мои слова доставили Моллигану невероятное удовольствие. Ничего не понимая, я на мгновение отнимаю трубку от уха и бросаю на нее вопросительный взгляд. — Я знаю. Он ошивался возле моего дома несколько часов. Вчера. Думал, я не в курсе.

— Ты знал? — не верю своим ушам. Мое тело будто полностью обмякает, и я провожу ладонью по лбу, от волнения покрывшемся испариной. — Ладно... он... Райли, он едет к тебе. Настроен серьезно. Боюсь, что он может наделать глупостей. Он... у него амбиции лезут изо всех щелей. Не удивлюсь, если он захочет ворваться к тебе в дом даже без ордера на обыск и...

— Жду его с нетерпением, — обрывает мою речь Моллиган, — спасибо за заботу, Ким.

Секунда — и я слышу монотонный протяжный гудок. Бросил трубку.

Остается только ждать... но чего?

(Райли Моллиган)

Услышать голос Ким было... неожиданно и вместе с тем донельзя предсказуемо. Хорошо, что этот самоуверенный сопляк решил поделиться наблюдениями именно с ней. Хотя я ждал его... Даже без подсказок Петерсон я был уверен в том, что детектив-новичок вернется. И вот он уже направляется ко мне.

Как же порой скучно, когда все играют по твоим правилам, точно по заранее обговоренному сценарию...

Вздохнув, допиваю давно начатую чашку уже остывшего чая и, поднявшись на ноги, медленно шагаю в сторону окна. Думаю, самое время занять позиции.

Выждав еще пару минут, наскоро накидываю куртку, прихватываю с кухни перочинный нож и отправляюсь на улицу. А точнее в охотничий домик Эллиса, располагающийся в нескольких метрах от жилого строения.

Ким была права: парнишка не заставляет себя долго ждать. Видимо, оставив машину где-то на въезде в лес, начинающий детектив-сосунок, напряженно оглядываясь, медленно ступает по направлению к моему дому. Наш с Эллисом старый пикап еще рано утром был мною заботливо отогнан в самую чащу леса. И теперь мне остается надеяться, что белобрысый, сбитый с толку болван додумается сперва проверить охотничий домик. Не хочу сидеть здесь слишком долго. Слежка за ним не доставляет мне никакого удовольствия. Другое дело, если бы там ошивалась детектив Петерсон...

Но, как назло, обуреваемый слепой самоуверенностью и, главное, мнимым успехом, идиот направляется напрямик к жилому дому. Еще раз оглядевшись по сторонам, парень принимается заглядывать в окна. Закатив глаза, я роняю сардоническую усмешку. Он, что, серьезно?

— Эй! — бросаю я, резко покинув временное убежище. Услышав мой голос, Стивенсон заметно вздрагивает и почти прыжком разворачивается ко мне лицом. — Что-то не так?

— Эм... я... я думал, здесь никого нет. Вообще-то я... — запинаясь, принимается оправдываться парень, спиной прижимаясь к грязной стене дома. — Я детектив Джордан Стивенсон.

— Я тебя знаю, — согласно киваю я, размеренной походкой приближаясь ближе к гостю. — Полтора года назад ты был еще стажером. Помогал детективу Петерсон, верно?

— Да, — посерьезнев и, кажется, успокоившись, отвечает Джордан. — Я приехал, потому что у меня есть к вам разговор, мистер Моллиган.

— Правда? — мои губы медленно растягиваются, изображая самодовольный оскал. — Я думал, что для разговора достаточно постучать в дверь, а не выслеживать меня, да еще и заглядывать в окна. Или копы теперь работают по новой схеме?

От меня не ускользает тот бешеный ритм, с каким глаза парня начинают шарить по округе. Долго же он осознавал свой конец.

Я тем временем оказываюсь совсем близко. Между нами остается расстояние в метр-полтора, и, несмотря на слабое дуновение морозного ветра, я отчетливо слышу сбитое тяжелое дыхание детектива. Точно трепыхающаяся птица, забитая в угол клетки.

— Так вам есть, что сказать мне, детектив Стивенсон? — тихим замогильным голосом спрашиваю я, посмотрев на него исподлобья. — Напоследок.

Последнее слово заставляет кретина напрячься, натянуться, точно струна. Широко распахнув глаза, он громко сглатывает, и я вижу, как крепкая рука тянется в сторону кобуры, висящей на широком поясе, вот только цели она так и не достигает: перочинный нож, спрятанный в моем кармане и давно готовый к атаке, в пару секунд оказывается воткнутым

промеж глаз молодого начинающего детектива.

Какая ирония. А ведь кому-то так хотелось заполучить признание...

Комментарий к Какая ирония.

В общем, в общем, в общем.... Дорогие читатели, ловите продю. Не знаю, хорошая новость или нет хдд но вышло так, что конец фика отодвинулся еще на пару глав. Такой уж поворот) Так что придется немного потерпеть.

Жду ваших отзывов и... что так мало оценок?? — _-

===== Непоследовательность. =====

(Ким Петерсон)

Звонок Райли был сделан около 3-х часов назад. Я изо всех сил пыталась отвлечься, заставить себя заняться хоть чем-то, чтобы не отправиться к Моллигану. Он должен позвонить. Он или Джордан. Но мой телефон молчит, а я, прибравшись, приняв душ и сев за книгу, никак не могу сосредоточиться на мысли, передаваемой автором. Глаза уже в который раз пробегаются по одной и той же строчке, но всё напрасно.

Тяжело выдохнув, я на автомате захопываю книгу и, поднявшись с кресла, принимаюсь ходить по дому. Напряженные пальцы набирают номер Стивенсона, который, к моему изумлению, оказывается недоступным.

Какого черта?

Потупившись, я несколько секунд переминаюсь с ноги на ногу, всё еще удерживая телефон возле уха, после чего набираю Моллигана. Мне приходится выслушать достаточно гудков, чтобы начать раздражаться невыносимыми, давящими на мозг монотонными звуками, но Райли не удостаивает меня своим вниманием.

Где-то под ребрами зарождается неприятное ощущение. Мое дыхание учащается, и я на пару мгновений прикрываю глаза, чтобы прийти в себя и не удариться в панику.

— Ничего не произошло... — принимаюсь за самоуспокоение и прикрываю лоб ладонью. — Простое совпадение, Ким.

Поджав губы, принимаюсь кусать и без того до крови изодранную тонкую кожу, после чего, не выдержав, бросаюсь в комнату, натягиваю первые попавшиеся под руку тряпки и выскакиваю на улицу. В лицо ударяет ледяной ветер, и в несколько секунд я промерзаю до самых костей, но сейчас это волнует меня меньше всего. Не желая возвращаться домой — в надежде, что зимний мороз отрезвит голову — я дожидаюсь такси и отправляюсь к Моллигану.

— Эй, вы не могли бы чуть прибавить газу, — прошу я, выглянув между спинками передних сидений. — Я тороплюсь.

Ловлю на себе недовольный чопорный взгляд таксиста. Тот недовольно прищелкивает языком и закуривает сигарету.

— Вы понимаете, что начинается пурга, мисс?

— Понимаю, но это, правда, срочно. Ускорьтесь, хотя бы немного, — не унимаюсь я. Мой взгляд намертво приковывается к отравляющей папиросе, и я отчаянно выдыхаю, — простите, но... не могли бы вы поделиться сигареткой?

Снова покосившись на меня, обросший нечесаной кучерявой бородой брюнет средних лет протягивает мне пачку «Winston», внутри которой я нахожу припрятанную зажигалку.

Закурив, опускаю веки и отворачиваюсь к приоткрытому стеклу. Вкус табака навеивает воспоминания школьных и университетских лет. Тогда, будучи глупой и «цветущей», я не особо заботилась о собственном здоровье. Но, должна признаться, этот «аромат» всегда

притягивал какую-то часть меня. Каждая выкуренная Стоуном сигарета оказывалась своего рода испытанием. И вот теперь я сдалась. Снова из-за Райли.

Вся моя жизнь: собственная дисциплинированность, привычки и моральные ценности..., - все это идет к чертям из-за него... Может, именно этого мне и не хватало? Немного краха, несобранности и беспорядка в жизни?

Даже если и так, оправдания моим поступкам нет. Что есть идиотская сигарета, а что есть убийство невинного человека...

— Приехали, — оповещает водитель, выведя меня из состояния легкого онемения и транса. Сую мужчине первую попавшуюся купюру, не особенно заботясь о сдаче.

Погода, действительно, решила сегодня побыть сущей стервой. Шагая по лесу в направлении дома Моллиганов, я с трудом справляюсь с беспощадными порывами ветра, вместе с крупными хлопьями снега бьющими мне в лицо. Жалкий капюшон, прикрывающий голову, силится сорваться, и руки уже здорово оледенели, стараясь удержать его на месте.

Добраться до пункта назначения мне все-таки удастся достаточно быстро. Думаю, дело в мыслях о произошедшем, которые попросту не позволяют мне поддаться страданиям из-за какой-то разбушевавшейся погоды. Сейчас есть вещи поважнее холода и снега.

Выворачиваю из-за угла и, прищурившись, медленно ковыляю к парадной двери, но едва ли мои холодные покрасневшие пальцы касаются деревянной поверхности, я слышу собственное имя, раздавшееся из-за спины. Обернувшись, встречаюсь глазами с Моллиганом, выходящим из охотничьего домика.

— Райли! — кричу я, почти кинувшись к мужчине. — Где Стивенсон? Я не могу дозвониться до него, номер недоступен. Обычно он..

Я бы хотела говорить и говорить еще очень долго, только бы выговориться, почувствовать хотя бы мнимую легкость, чувство свободы, но лицо Райли...жесточайшая кровожадная улыбка, растянувшая тонкие губы, заставляет меня закрыть рот.

— Где он? — уже тише спрашиваю я, оказавшись совсем рядом с мужчиной. Шатен продолжает молчать, пристальным взглядом изучая черты моего лица, наслаждаясь болью, отражающейся в глазах.

Стивенсон мертв.

— Прошу, скажи, что он уехал домой, — с глупой наивностью прошу я. Дрожащие, плохо двигающиеся руки цепляются за ворот куртки Райли, и я почти висну на нем, ощущая, как утробные рыдания рвутся наружу. — Райли! Твою мать, не молчи! Скажи, что Джордан просто уехал домой!

Продолжая игру в молчанку, мужчина перехватывает мои руки и с равнодушием чужого человека отрывает меня от себя, точно какую-то бесполезную жалкую вещь.

— Не понимаю, к чему такая истерика, Ким, — выдыхает он и, оставив меня стоять на месте, направляется в сторону жилого дома. — Ты сама позвонила мне.

— Нет, не-ет, — горячие слезы крупными каплями стекают по щекам и, мгновенно остывая, леденеют, оставляя на коже неприятные тянущие следы. — Я не просила убить его! Я...я... — задыхаясь, не заметив, как выпустила капюшон, давно слетевший с моей головы, я едва ли удерживаюсь на ногах, медленно заметаемая мокрым белоснежным снегом. Таким чистым и невинным... — Я позвонила, чтобы предупредить тебя, обезопасить! Ты не... зачем ты убил его? Что он сделал? Почему, чтоб тебя, ты такой ублюдок?

Видимо, мои слова задевают-таки Райли. Мужчина, опустив голову, вдруг застывает у крыльца. Судя по поднявшимся и пустившимся плечам, шатен тяжело вздыхает, а после,

резко развернувшись, бросает на меня испепеляющий взгляд стервятника.

— Этот сопляк не умеет держать язык за зубами, Ким. Такие, как он, опасны тем, что могут выложить все, что знают, о чем догадываются, любому встречному. И нам еще повезло, что до сегодняшнего дня он успел поделиться наблюдениями только с тобой. Теперь тебе ясно, почему я такой ублюдок? — мужчина буквально выплевывает каждое слово, и я не на шутку напрягаюсь, наблюдая за изменениями в его лице. Последний раз я видела его таким... в тот самый день, когда Крис увезла меня отсюда. Когда он понял, что Эллис предал его. — Я не хочу очередного, заведенного на меня дела. Не собираюсь тратить на это время. В этот раз никто даже не заподозрит меня. Но... меня волнует только одна вещь: какого черта ты так отчаянно цепляешься за него?

— Потому что он дорог мне, — умоляюще говорю я сквозь утихающие рыдания. — Мы были почти друзьями. И... — чем дальше заходит мое признание, тем мрачнее становится лицо Моллигана.

— Тогда тем лучше, — пожав плечами, он злобно усмехается, и от звука его голоса у меня мороз по коже. — Я же сказал, что ты будешь только моя. Во всех смыслах.

Слова Райли вызывают во мне сумасшедшую бурю эмоций: прельщенное удовольствие, удивление, желание, но... самое сильное из них все-таки гнев.

— Да ты с ума сошел? Я не твоя вещь! А ты не вершитель судеб, чтобы так просто распоряжаться жизнями людей!

Снова чертова ухмылка. Отведя взгляд, Райли подходит ко мне почти вплотную, и я ощущаю прикосновение его ледяной ладони на своей щеке.

— Ты, правда, так думаешь? — пальцы мужчины скользят по моему виску и зарываются в почти сырые от снега волосы. — Ты, конечно, не вещь. Но ты принадлежишь мне так же, как любой предмет, которым я захочу владеть. Окончательно и бесповоротно. И я могу делать все, что захочу. Знаешь, почему? — сделав паузу, он заглядывает в мои зареванные глаза, и я понимаю все раньше, чем он озвучивает ответ. — Потому что ты позволяешь мне. Ты хочешь этого.

— Ты обманываешься, — рывком убираю от себя руку Моллигана. — Райли, Джордан — детектив. Его будут искать. Ты говоришь, что не хочешь попасть под подозрение, но... неужели ты не понимаешь, что после убийства уполномоченного это неизбежно?

— Ким, — посмеивается Моллиган. Кажется, будто мужчина остыл, но его глаза... они не улыбаются вместе с ним, излучая холод и злобу. — Легче убить этого молодого зазнайку и умело спрятать тело, нежели потом терпеть последствия его бескостного языка. Но... конечно, тебе этого не понять. Пока.

— И как ты выкрутишься? Подставишь еще кого-нибудь?

— Это дело времени. Но ты ведь не хочешь, чтобы я попал за решетку? Точнее...мы, — он намеренно делает упор на последнем слове, чтобы в очередной раз напомнить о содеянном.

— Да мне еще при статусе детектива стоило посадить тебя, Моллиган! — не выдержав, кидаю я, ткнув указательным пальцем в грудь мужчины.

— Возможно. Но ты не захотела. А если бы и захотела...вряд ли тебе выдался бы шанс. Конечно, ведь ты все держишь под контролем, верно?...

Наш разговор прерывает звонок телефона, раздавшийся из моего кармана. Достав мобильник, нахожу на экране имя Стоуна.

— Черт... — как бы сильно мне ни хотелось сбросить, я понимаю, что должна ответить.

Сейчас каждый мой шаг — ходьба по минному полю. — Это Стуон, — бросаю я Райли, дабы заставить молчать, и отвечаю. — Алло.

— Привет, Ким, — с неловкостью юнца приветствует Джейме, но где-то там, за тонкой пеленой обиды и непонимания, я слышу уверенность и...волнение. — Я звоню по поводу Стивенсона. Он был у тебя?

— Джоржан? — машинально переспрашиваю я, едва ли сдержавшись, чтобы не застонать от ужаса, нахлынувшего на меня, — нет, а должен был? Я последний раз видела его на работе.

— Странно... он сказал мне, что поехал к тебе за советом, — признается Стуон, глубоко озадачившись. Каждый мускул в моем теле приходит в напряжение, и я мысленно молю несуществующего бога о том, чтобы Стуон не знал ничего о подозрениях Стивенсона. — Знаешь, он вчера рассказал мне о своих догадках. О Моллигане. Ты знала, что Райли в городе?

Услышав это имя, я чувствую приступ дурноты. Силы будто покидают мое тело, и я спешу ухватиться за рукав Моллигана, дабы сохранить равновесие.

— Нет, — вру, придав голосу как можно больше уверенности и, главное спокойствия. — Джейме, не понимаю, какого черта ты звонишь?

— Он не берет трубку, Ким. Как я понял, Джордан собрался ехать к Моллигану. Теперь его телефон не доступен.

— И? — несдержанно подгоняю я, понимая, что едва ли смогу поддерживать разговор еще хотя бы минуту. — У меня его не было. Возможно, он и к Моллигану-то не поехал. Мало ли... передумал. Дай ему время, думаю, он еще объявится.

— Где ты? — вдруг переводит тему мужчина, и я невольно хмурюсь, глядя на Райли.

— Какое это имеет значение?

Между нами нависает тяжелое молчание, и я позволяю себе закончить этот цирк самостоятельно:

— Пока, Джейме. Позвони, когда Стивенсон объявится, — бросив прощание, спешу отключиться и еще сильнее вцепляюсь в руку Моллигана.

— Стуон все знает. Стивенсон рассказал не только мне. Джейме тоже, — признаюсь я, принявшись тараторить так быстро, будто от этого зависит наша жизнь.

— Тогда, как ни крути, нам придется избавиться от твоего ненаглядного ублюдка. Убьем его. Снимем с себя подозрения и останемся только вдвоем, — протянув ко мне руки, мужчина склоняется к моему лицу, но я делаю шаг назад.

— Не смей! Стуон... он... я бросила его, нас уже ничего не связывает, — слушая собственные оправдания, я чувствую, как во мне зарождается отвращение...к самой себе. — Возможно, кто-то придет проверить тебя, но ты же сможешь выкрутиться. Не надо трогать его, прошу.

— Ты защищаешь его, — рычит мужчина, принявшись наступать на меня. — Почему? Любишь его?

— Прекрати. Я никогда не любила его, — усмехаюсь я, отчаянно, на грани нервного срыва.

— Я убью его не потому, что боюсь, а потому что ты привязана к нему, Ким. Я убью всех, к кому ты привязана, чтобы я стал единственным центром, к которому тебя неизменно притягивает. И никакие уговоры не спасут его. Я человек слова, помнишь?

На этой ноте во мне что-то надрывается. Выдержав секундную паузу, я подаюсь вперед

и с силой накрываю лицо Райли звонкой пощечиной.

— Я не позволю тебе, — мой голос больше похож на шипение. Точно обезумев, я делаю шаг к мужчине, ладонью покрывающему покрасневшую щеку, чтобы подарить повторный удар, но вместо этого получаю ответ. Издав слабый рык, Моллиган бьет меня наотмашь, и я ощущаю резкую боль в районе скулы. Рассеченная губа пульсирует, отдаваясь режущими волнами по всему лицу. Это мгновение напоминает мне заточение. Вся ту боль, что мне пришлось перенести. От него. Почему я не могу просто убить его...

Не могу.

Свежие слезы скатываются по щекам, но совсем не от боли. От обиды. От жалости и ненависти к себе. От нездоровой любви к нему. Будто все чувства закружились во мне единым вихрем.

Подняв глаза, бросаю пронзающий взгляд на Райли, и меня будто прошибает током: наблюдая за мной с неприкрытым ужасом, Моллиган едва ли сдерживает подступившие соленые капли. Его широко открытые, наполнившиеся влагой глаза лихорадочно осматривают мое лицо и останавливаются на губах, видимо, на выступившей крови.

Да что с ним?

Бросив что-то едва слышное, он делает шаг навстречу мне, но через секунду замирает. Мы оба оборачиваемся на звук голоса:

— Стой на месте!

Джейме...

Округлив глаза, Стоун с шапкой снега в темных волосах и запущенной щетине стоит с пистолетом, направленным на Райли. Всего в нескольких метрах от нас.

Он не должен быть здесь. Только не теперь.

— Джейме...

Комментарий к Непоследовательность.

Предпоследняя часть. Осталась заключительная и эпилогек. Жду ваших отзывов, возможно, предположений) И, конечно, оценок!

===== Все кончено. =====

Комментарий к Все кончено.

Последняя часть, дорогие читатели! Честно признаться, вызвала у меня бурю эмоций во время написания, хороших и плохих, не обошлось без потока слез. (счастья или горя — узнаете по ходу прочтения).

Надеюсь, вас она тоже не оставит равнодушными. Очень жаль расставаться с уже полюбившимися мне героями, но...увы, у всего есть конец.

Жду ваших отзывов и оценок.

Эпилог ждите завтра, то бишь 31 марта.

Приятного прочтения!

За полчаса до настоящих событий.

(Джейме Стоун)

— Пока, Джейме. Позвони, когда Стивенсон объявится, — просит Ким и бросает трубку. Признаться, поведение девушки задевает мое самолюбие, но сейчас это волнует меня не столь сильно, как, к примеру, ее откровенная ложь.

Признаюсь честно, Петерсон непостоянна, точно океан, и предугадать ее поступки лично для меня просто невозможно, ровно так же, как и разгадать ее саму. Никакая профессия психолога не в силах помочь мне, но теперь, Ким, ты оступилась.

Тяжело выдохнув и выпустив изо рта облачко пара, опускаю сотовый в карман пальто и бедром прижимаюсь к капоту машины Стивенсона. Джордан, действительно, был у меня сегодня утром, и более того, я знаю — именно знаю — что он был у Ким, ведь парень не посчитал лишним сбросить мне сообщение о том, что разговор с Петерсон не удался, и он решил отправиться к Моллигану в одиночку.

Что же ты замышляешь...?

Судя по шуму в трубке, Петерсон находится где-то на улице.

Потупившись, я некоторое время вглядываюсь в собственные ботинки, мысленно перебирая все возможные варианты исхода. Боже... прошу, пусть Ким не будет причастна к чему-то ужасному.

Слотнув, поднимаю глаза к небу. Кружащиеся в воздухе снежные хлопья медленно опускаются мне на лицо и глаза, заставив опустить веки. Не знаю, чего я хотел бы больше: чтобы она снова оказалась жертвой или же...

она ведь может быть причастной к чему-то...

Только лишь эта мысль закрадывается в мою голову, я спешу отбросить ее в сторону. Я не имею права так думать о ней. По крайней мере, мне не стоит делать поспешных выводов. Если Стивенсон был прав и Райли Моллиган, действительно, не чист, Ким могла оказаться в западне.

Надо же, Петерсон ведь даже не удосужилась рассказать о том, что пропавшая девушка похожа на нее! Но почему...

Громко прочищаю горло и закурываю сигарету. Набираю номер Томаса — коллеги из ФБР. Думаю, его помощь будет не лишней.

— Алло, — отвечает сиплый грубый голос через несколько гудков. — Стоун, прошу, скажи, что просто решил выпить пивка на выходных.

— Хах, черт, прости, — усмехаюсь я, но скорее для приличия. Сейчас мне далеко не до смеха. — Том, нужна твоя помощь.

— Что стряслось?

— Моллиган. Райли и Эллис Моллиганы были подозреваемыми в деле о похищении чуть больше, чем полтора года назад, помнишь?

— Да, конечно! — соглашается мужчина, что-то неясно прокряхтев.

— Один из них — Райли — сейчас в городе. Коллега Ким говорил, что у него есть какие-то подозрения на его счет, отправился к нему на допрос, а теперь исчез. Не могу до него дозвониться. Полицейская машина находится на въезде в лес, а Петерсон же ведет себя как-то странно. Боюсь, один я здесь не справлюсь.

— Черт, уже выезжаю, — спохватившись, бросает Кингсли. — Эй, Джейме, так, может, взять отряд на подмогу?

— Нет-нет, только ты. Отряда будет много, к тому же... я не уверен, что опасность, действительно, есть. Просто нужно, чтобы кто-нибудь прикрыл меня и вызвал помощь при случае.

— Понял. Скидывай адрес по смс, я выезжаю.

— Да, сброшу. Только, Том! — прошу я, стараясь успеть выговориться прежде, чем он бросит трубку, — когда приедешь, оставайся где-нибудь вне поля зрения, о'кей? Просто наблюдай, не лезь на рожон.

— Как скажешь, дружище, — на этих словах Томас отключается, и я тут же спешу отправить ему сообщение с адресом Моллигана, после чего пешком отправляюсь по

назначенному адресу.

Чем ближе оказывается жилище Райли, тем сильнее меня одолевает легкий мандраж. Что именно я ожидаю там увидеть? И что увидеть боюсь?

По стечению времени метель немного стихает — и идти становится чуть легче. Теперь снег опускается на землю рваной стеной, почти полностью застилая распростертые вокруг красоты старого леса Инвернесса.

Почти добравшись до одинокого двухэтажного строения, уже из-за угла я слышу чьи-то голоса. Размытые, приглушенные, но мне совершенно точно удается понять, что говорят двое. Мгновенно среагировав, я примыкаю ближе к стене. Пистолет в пару мгновений оказывается в моих руках, я же, стараясь не производить лишнего шума, медленно продвигаюсь вдоль возвышающегося строения.

— Я убью его... единственном центре, к которому тебя... — до слуха долетают отдельные обрывки фраз, которые с трудом складываются в единую отчетливую картину. — Я человек слова, помнишь?

Следом раздается слабый шлепок. Я оказываюсь точно за углом. Меня и говорящих разделяет всего несколько метров.

— Я не позволю тебе, — Ким.

Это голос Ким.

Вобрав в легкие побольше воздуха, я медленно хмурюсь, сильнее сжимая пальцами рукоять пистолета. Она здесь.

Где-то там — за углом — раздается неясный шелест, будто борьба, а потом снова шлепок. Все мое тело напрягается, и я замираю, готовясь к собственному выходу, ожидая подходящего момента. Между говорившими воцаряется тишина.

Наострив уши, я медленно подаюсь вперед и едва заметно выглядываю из-за угла, дабы понять, что происходит, и вижу Ким. Всего в трех-четыре шагах от нее — Райли Моллиган. Двое не замечают меня, всматриваясь в лица друг друга. Мое внимание привлекает свежая кровь, выступившая на губах девушки. Шатен, издав неясный утробный рык, едва ли подается навстречу Петерсон, и я понимаю: время раскрыть себя.

— Стой на месте! — выскочив, навожу пистолет на Райли. Оба, вздрогнув, в недоумении оборачиваются ко мне, округлив глаза.

— Джейме, — выдыхает Петерсон, лихорадочно переводя взор между мной и Моллиганом.

— Ким, иди сюда, скорее! — слова сами собой срываются с языка, и я чувствую, как каждый мускул в моем теле дрожит, содрогается под тяготой волнения, смешанного со страхом и напряжением. — Ну же, Ким, черт подери!

Но как бы я ни старался, шатенка остается стоять на месте. Ее бледное лицо искажено в гримасе ужаса и...разочарования.

— Хорошо. Что здесь...происходит? — уже спокойно спрашиваю я, почти не сводя взора с Моллигана, гневно просверливающего дыру в моем лбу. — Ким, объясни. И где Стивенсон? Я знаю, что он был у тебя и был здесь. Он писал мне, — объясняюсь я, чтобы отбить у девушки даже малейшее желание лгать, попытаться выкрутиться. — Полицейская машина стоит у въезда в лес.

Петерсон в онемении всматривается в мое лицо. На секунду во мне рождается догадка о том, что Ким попросту находится в шоковом состоянии, но ее последующее действие полностью опровергает эту мысль и более того — приводит меня в замешательство. Ловким

движением руки Ким выуживает пистолет и...направляет его на меня. До ушей долетает слабая усмешка Моллигана.

— Да, Ким, просто застрели его, и покончим с этим, — бросает он, покосившись на шатенку. — У нас мало времени. Обещаю, мы уедем. Вместе.

Ким глазами стреляет в сторону Райли и спешит вернуть все внимание ко мне. Даже с расстояния в 5–6 метров мне отчетливо удастся различить, как дрожат ее вытянутые перед грудью руки.

— Что ты несешь? — не выдерживаю я, оглушенный тишиной, чертовым молчанием. Голова будто разбухает, и я, совершенно запутавшись, не могу более выдерживать давление неизвестности. — Ким, объясни же, — цежу я сквозь зубы.

— Да, Ким, думаю, тебе давно пора объяснить ему, — самодовольно встречает Райли, кажется, совсем не заботясь о том факте, что он находится у меня под прицелом. — Но раз уж ты не расположена к беседе, я расскажу все сам.

— Нет, — просит Петерсон, на мгновение подняв глаза к небу.

— Да, — опровергает Моллиган и делает шаг ближе ко мне.

— Стой, где стоишь!

— Ладно-ладно, — выставив перед собой раскрытые ладони, мужчина одаривает меня широким оскалом. — Как бы тебе сказать... Ким, она... сходит по мне с ума. Я, конечно, люблю ее в равной степени так же сильно, но... ее чувства — вот, что самое интересное в этой истории. То, как она их выражает, то, на что она готова пойти, — все это поистине волшебно, — шатен делает паузу, наблюдая за изменениями в моем лице. Мои губы медленно кривятся в непонимающей улыбке, глаза быстро мечутся между ним и Ким.

— Я не понимаю. Ты мелешь такую...

— Нет же, нет, — перебивает Моллиган. — Ты вообще знал, какой у нее огромный потенциал? Она собственноручно засадила за решетку двоих... да, маньяков, но... срок они отбывают не за те преступления.

— Кроуфорды? — понимаю я, насупившись пуще прежнего. — Что ты имеешь в виду?

— Они слишком сильно хотели походить на меня, поэтому... были не прочь повесить на свои плечи столь громкие похищения и убийства.

— Так всё-таки это ты похищал всех тех девушек? — восклицаю я, ошалев. Руки крепче сжимают пистолет, и я переминаюсь с ноги на ногу в страхе потерять бдительность.

— Да. Крошка Ким... Нет! Детектив Петерсон была права, намертво прицепившись к мне со своими чертовыми подозрениями, вот только... ей было меня не обыграть, ведь наша любимая Ким умудрилась влюбиться в подозреваемого, а позже и в своего похитителя. И теперь, когда я вернулся, пока ты там отсиживал свой зад в кабинете полиции, я, — он самоудовлетворенно кивает, сияя победной улыбкой, — трахал твою подружку. Твою единственную любовь, ведь так? А знаешь, что еще она сделала ради меня?

Все его слова будто сливаются воедино, и теперь я слышу голос Моллигана приглушенно, будто через толстое стекло. Все мое внимание приковано к Ким, которая, смотря куда-то ниже моего подбородка, даже не старается разуверить меня в услышанном. Райли же, упиваясь моим убийственным видом, продолжает:

— Похищенная девушка. Ким убила ее. Прострелила голову у меня на глазах, — услышав это, обращаю ошарашенный взгляд к Моллигану и встречаюсь с воодушевлением, написанным на его лице. — Да-да! Признаться, я сам даже предугадать такого не мог. Детектив Петерсон... такая необыкновенная, содержащая в себе столько сюрпризов и тайн.

Верно, Ким? — взглянув на шатенку, Моллиган едва заметно ухмыляется. — Знаешь, Стоун, мне тебя жаль. Сегодня ты умрешь, а та, кого ты любишь, будет со мной. Но утешу тебя тем, что ты ее просто не достоин.

— Райли, хватит, — чуть слышно просит Ким, шмыгнув носом. Покрасневшие глаза девушки поднимаются на меня, и я вдруг вспоминаю про вопрос, который так и остался не разрешенным.

— Где Стивенсон? — звучит жестко и холодно. Я еще никогда не разговаривал с ней вот так черство и отдаленно.

— Мертв, — без обиняков отвечает девушка, приподняв подбородок. Каждая минута, проведенная здесь, каждый услышанный факт приводит меня в ступор. В ушах появляется неясный шум, и я чувствую легкий приступ тошноты. Будто весь мир перевернулся. Такого не бывает.

Это же Ким... Моя Ким...

— Я предупредила Райли о его приезде... Клянусь, я не хотела, чтобы он умер... но теперь уже слишком поздно, — одинокая слеза предательски скатывается по моей щеке, пока я вглядываюсь в лицо Петерсон. Оно кажется мне чужим. Боль в ее глазах... совершенно мне неподвластна. Я не могу понять, что именно заставляет ее страдать, но отпустить ее — непозволительная роскошь. Я должен спасти ее.

— Ким, — хрипло говорю я, пытаюсь вразумить девушку, — неужели ты не понимаешь, что он... он манипулирует тобой. Думаешь, этот больной ублюдок любит тебя?! Такие, как он не способны на любовь, только на жестокость. Я... я понимаю, как тебе тяжело. Прошу, опусти пистолет и одумайся, — сделав паузу, выжидающе наблюдаю за реакцией шатенки. Сглотнув, она изо всех сил старается сдержать слезы, но от меня не ускользает легкий гнев, зародившийся в серых глазах. — Я обещаю, что никто ничего не узнает. Мы все это уладим. Я, Ким... я люблю тебя, ты же знаешь, что я, действительно, хочу и могу помочь тебе. Всё, что он наговорил тебе — обман. Ты еще можешь вернуться к нормальной жизни.

(Ким Петерсон)

Чем больше Джейме говорит, тем больше меня распирает злоба. Слезы, так ярс напрашивающиеся на глаза, скоро совсем проходят, и я выпаливаю:

— Да мне не нужна твоя помощь, Джейме! Когда ты уже, наконец, это поймешь? Ты только и делаешь, что опекаешь меня, точно заботливая гусыня. Я же сказала, что ты осточертел мне со своей заботой и со своей сумасшедшей любовью. Ты губишь меня, — нервно вываливаю я, не в силах остановиться. — Я никогда не стану чертовой любящей домохозяйкой, женой, каковой ты хочешь меня видеть. Хватит.

— Хорошо, — прерывает он, потупившись. Сделав пару вдохов и выдохов, он снова всматривается в мои глаза, и я читаю всю ту боль, которую причинила ему за все время наших отношений и в особенности теперь, когда он знает правду. Она точно огромным клубком собралась в нем и теперь давит на меня, встретившись лицом к лицу со своим создателем. — Просто скажи мне, или...самой себе. Ответь на вопрос: какой ты видишь жизнь рядом с ним? — Стоун кивает в сторону Моллигана, наблюдающего за нами, точно в кинозале.

Его вопрос отнюдь не ставит меня в тупик, не заставляет что-то осознать. Я уже не раз пыталась заглянуть в будущее, попытаться предугадать, чем же все это закончится, поэтому теперь, без стеснения и стыда смотря Стоуну в глаза, я признаюсь:

— Я не знаю. Ничего не знаю, кроме одной вещи: я... я люблю его, Джейме. И я

никогда и не с кем не чувствовала себя более живой, чем с ним. Это...необъяснимо. Вряд ли ты когда-нибудь испытывал это чувство. Оно окрыляет и в то же время пригвозждает к земле своей неопишуемой тяжестью. И я знаю, что он любит меня, — добавляю я с уставшей, чуть глупой улыбкой загнанного в угол человека. — Черт знает, что это за любовь, какого рода. Но она есть. И пусть лучше я проживу совсем немного, но рядом с ним, чем еще очень долгую жизнь до старости — рядом с тобой.

Удерживая зрительную связь, мы с Джейме будто уносимся отсюда далеко-далеко. Именно сейчас я ударила как никогда сильно.

— Кончай с ним, Ким, — подсказывает Райли, в первый раз за долгое время дав о себе знать. Я прекрасно понимаю его позицию: он попросту дает ситуации возможность самой подойти к апогею, но, кажется, теперь его терпение подходит к концу. — Давай, ты можешь.

Признаться, моя последняя речь стала откровением не только для Джейме, но и для меня самой. Неужели я могу убить его? Прямо сейчас? Тогда все кончится — и я отправлюсь навстречу самому сумасшедшему неизведанному будущему, что когда-либо встречало меня с распростертыми объятиями.

— Прости, Ким, — вдруг выпаливает Джейме, и я вдруг слышу оглушающий, заставивший меня вздрогнуть, выстрел. На секунду зажмурившись, я вновь внезапно распахиваю глаза, так широко — будто оказалось в темном помещении без окон и дверей. Взгляд падает на Стоуна.

Я не чувствую боли.

Неужели?

Перестав дышать, я с немой мольбой на губах поворачиваюсь к Райли, надеясь увидеть его, стоящим рядом, но не вижу. Опустив глаза, нахожу тело Моллигана лежащим в снегу, и мое горло вмиг исходит душераздирающим воплем. Я не замечаю, как падаю на колени рядом с Райли, выпустив пистолет, оставив его валяться где-то рядом. Держась за рану в животе, источающую густую багровую жижу, Моллиган с округленными глазами, впервые выражающими страх, боль и сожаление, обращает взор на меня. Никогда не видела его таким... слабым... Исходя рыданиями, боясь отвести от него взгляд, машинально подхватываю мужчину за плечи и кладу голову себе на колени. Дрожащие ладони покрывают руки Моллигана, заставляя сильнее сжимать место ранения в надежде, что его еще можно спасти.

— Райли, — срывается с моих губ хрипло и едва слышно. — Райли, прошу... Нет! Твоя мать, Райли, не смей! Не смей уходить, ты обещал, что мы уедем, что мы останемся только вдвоем, Райли...

Рыдания, подкатившие к горлу, вырываются с новой силой, и я оказываюсь уже не в силах произнести хоть слово. Опустив голову, я принимаюсь выть, свободной рукой водя по скулам мужчины, пачкая идеальные черты в столь неидеальной отвратительной горячей крови. Меня охватывает лихорадка. Будто сумасшедшая, всматриваясь в серо-голубые родные глаза, принимаюсь трясти тело Моллигана, стараясь растормошить его.

— Не смей закрывать глаза, слышишь?! Ты не можешь уйти, боже...

Соленые капли ручьями стекают по моим щекам и крупными каплями бросаются на скулы и губы Райли. Губы, которые уже успели окраситься в красный. Захлебываясь собственной кровью, он изо всех сил старается удержаться на плаву, но его глаза предательски стекленеют.

— Мне так хотелось, чтобы вы были моей, детектив Петерсон, — чуть слышно шепчет

он на последнем издыхании, вызвав во мне свежую волну страданий.

— Я твоя, ты же знаешь, тол... Не-ет, господи... ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! — в одномоментное мгновение глаза Райли просто перестали видеть меня, почти закатились, и я почувствовала, как он окончил борьбу. Плечи мужчины расслабились, обмякнув в моих руках, а ладони, накрывающие рану, соскользнули на землю, припорошенную белоснежным, точно облака, снегом.

Задышавшись, я, не веря в произошедшее, взглядываю в безжизненные глаза Райли, смотрящие куда-то сквозь меня.

— Райли... перестань... вернись, прошу... ты... ты же никогда не проигрываешь... Ты говорил мне... — держа тело Моллигана на коленях, я в бессилии склоняюсь к нему, губами прикладываясь к холодному лбу, и меня посещает совершенно отчаянная, столь странная мысль...

Я никогда не была к нему ближе, чем теперь. Простые объятия без физической боли, вожделения, принуждения... просто прикосновения любящих друг друга, безнадежных людей. Он должен был дарить мне это тепло. А теперь его нет.

Из-за Джейме.

Слезы всего в пару секунд останавливаются, оставив после себя удушающий осадок, сдавливающий ребра, и я поднимаю глаза на Стоуна, все еще стоящего на прежнем месте. Пистолет, находившийся в его руках, давно убран, и теперь Джейме неотрывно наблюдает за мной, будто за дикой зверюшкой, посаженной в клетку.

К горлу подкатывает рык, животный неистовый рык. С трудом подавив его, я рывком бросаюсь к стволу, брошенному на землю, и с точностью обученного солдата навожу на Стоуна, но пальцы едва ли успевают спустить курок. Раздается выстрел. Но это не мой пистолет. Что-то на скорости с неумолимой силой ударяет в спину, и мои ноги, не желая слушаться, подкашиваются. Пронзительная боль растекается по всему телу, и я мешком падаю на землю, жадно ловя ртом воздух.

Я ранена?

(Джейме Стоун)

Тело Ким будто в замедленной съемке опадает на землю, и я оказываюсь не в силах отвести взгляд от ее лица, застывшего в выражении немого ужаса.

— Нет! — срывается с моих уст, и я бросаюсь к девушке. Мучаясь от агонии, Ким изо всех сил взором цепляется за мое лицо. Кровь бурным потоком окрашивает мои руки, поддерживающие Петерсон. — Ким, ты слышишь меня? Я здесь, Ким... всё кончено... все хорошо..

Слезы тонкими ручьями стекают по моим щекам, и я перестаю слышать любые звуки улицы. Где то там — на заднем плане — до меня доносится голос Томаса, выбежавшего из леса, но я не хочу, чтобы он существовал. Ким не должна была умереть.

— Зачем?! — кричу я, бросив на Кингсли уничтожающий взгляд.

— Она хотела пристрелить тебя. Или ты хотел умереть из-за этой сумасшедшей? — не понимает Томас, рассматривая посеревшее лицо Петерсон.

— Ты мог просто ранить ее... — сквозь подступающую истерику бросаю я, наблюдая за тем, как Ким медленно покидает меня. Дрожащие губы девушки пытаются что-то произнести, но я не могу разобрать слов. — Она ведь больна, Том... Я должен был помочь ей...

Пальцы Петерсон вдруг хватаются за мой рукав. Девушка делает последний вздох, и в

следующее мгновение ее хватка слабеет и вскоре сходит на нет.

===== Эпилог. =====

Комментарий к Эпилогу.

Представляю вашему вниманию небольшой, но, как мне кажется, содержательный эпилог. История подошла к концу, жду ваших отзывов, мнений, и, конечно, критика тоже приветствуется.

А я с вами не прощаюсь и приглашаю на свой профиль читать другие завершённые/находящиеся в процессе/будущие работы.

(Джейме Стоун)

Добравшись до собственной квартиры, несдержанно бросаю рабочую сумку возле порога.

— Чёртов ублюдок! — из горла вырывается болезненный рев, и я отчаянно бью кулаком по дверному косяку. В область костяшек врезается острая режущая боль, и мне приходится зажмуриться и стиснуть зубы, чтобы перетерпеть наплыв.

Помахав ладонью, дабы унять болезненные ощущения, медленными ленивыми шагами направляюсь в спальню и бессильно оседаю на кровать. Лицо оказывается уткнутым в ладони, и я выпускаю тяжелый шумный выдох.

Как бы я ни старался повлиять на Кингсли, этот сукин сын выложил-таки всю правду о Ким, Моллигане, вообще обо всем, что успел услышать во время своей засады в лесу. А то, что не успел, обнаружило себя в качестве добавки в виде старой записной книжки Петерсон, которую обнаружили в доме Райли среди его личных вещей. Записи бывшего детектива подтвердили сказанное Моллиганом и открыли миру многое, главное, вынесли на всеобщее обозрение правду, которую я обещал Ким сохранить в тайне. Но не смог.

«Ты с ума сошел, Стоун? Она ненормальная психопатка, такая же, как и ее мужик. Думаешь, ей нужны были твои сопли, твоя помощь?! За решеткой за деяния Моллигана сидят люди, не причастные к его преступлениям. Пусть Кроуфорды и не безвинны, но суд должен пересмотреть срок их заключения. А миру, в особенности жителям Инвернесса, мы просто обязаны открыть глаза на правду: Ким Петерсон не герой нашего города, не заслуженный детектив полиции, она чокнутая стерва, помогающая сошедшему с ума маньяку. Если ты будешь мешать мне...прости, Джейме, но мне придется донести на тебя верхам», — речь Томаса на протяжении всего вечера крутится в моей голове, изъедая мозг.

Думаю, будет лишним говорить о том, что я и Кингсли потеряли нить доверия, товарищества и уважения друг к другу. То было неизбежно.

Мне не следовало просить его о помощи. Я всё испортил.

Растерев осунувшееся за последнюю неделю от усталости и нервов лицо и проведя ладонями по волосам, поднимаю глаза, и мой взгляд падает на приоткрытый бельевой шкаф, точнее на вещи, выглядывающие из него. Вещи Ким, которые девушка так и не удосужилась забрать после нашего разрыва в кафе. Удивительно, но я не замечал их, относился к ним, как к должному, будто во мне еще теплилась надежда на то, что Петерсон одумается и вернется. Мне всегда казалось, что ее место здесь.

Тяжело поднявшись, подхожу к шкафу и дрожащими руками снимаю с вешалки одну из рубашек, батистовую, цвета спелой черешни, после чего снова возвращаюсь к кровати. Легкая ткань оказывается возле моего лица. Я все еще ощущаю аромат ее кожи, разбавленный сладким привкусом духов. Ким всегда любила стойкие, почти приторные ароматы, въедающиеся в ткань. Будто она еще вчера была здесь. Со мной.

От родного, так полюбившегося запаха и мыслей глаза покрываются влагой, но я вынуждаю себя держаться. Прошла неделя. Я обязан взять себя в руки и продолжить жить.

Но как?

Как я могу успокоиться, если ее смерть лежит на моих руках? Это я позвонил Кингсли и попросил его приехать. И... это я довел ее до такой жизни.

Ким столько раз указывала мне на мои недостатки, говорила, что не хочет быть со мной, жаловалась на то, как устала от моей опеки, а мне — чертовому идиоту — отчаянно казалось, что я спасаю ее. Петерсон была права... я лишь губил ее, раз за разом перечеркивая тягу к нормальной жизни.

Быть может, если бы я оставил ее в покое сразу, всё могло закончиться по-другому.

Прости, Ким.

Обычно человека убивает его же любовь, она растаптывает его, заставляя подчиняться, забывая о разуме, но в моем случае я сам своей любовью уничтожил ее?

Второй раз за неделю меня посещает вполне себе оправданная мысль уйти с поста психолога. Случай с Ким доказывает — мне самому — что я недостойн этого места, данной профессии. Если я не смог помочь той, которую так люблю, то кому я вообще тогда смогу помочь?

Поджав губы, набираю в легкие побольше воздуха и на несколько секунд задерживаю дыхание, чтобы насытиться кислородом. Руки откладывают рубашку в сторону, и я выуживаю из кармана брюк сотовый телефон, в записной книжке которого нахожу номер Крис Нильсон, оставшийся с давних времен, и нажимаю кнопку «вызов». Долгие бесконечные гудки заставляют меня усомниться в том, что Крис вообще сочтет нужным отвечать на мой звонок. Уверен, она и Эллис уже в курсе произошедшего: новость о Ким и Райли довольно-таки быстро растеклась по СМИ и теперь является сенсацией уже 3-й день.

— Алло, — раздается на том конце провода, когда я почти теряю надежду. Это Моллиган.

— Здравствуй, Эллис, — приветствую я, оживившись, — очень рад, что к телефону подошел именно ты. Крис может услышать тебя?

— Нет, она в ванной, — напряжено отвечает мужчина, видимо, прекрасно осознавая, какой разговор ему предстоит.

— Вам уже известно о том, что произошло?

— Да. Газеты и новости пестрят на полную катушку, — признается он и прочищает горло. — Не заметить было трудно. К тому же... накануне произошедшего Ким звонила Крис и спрашивала номер телефона Райли. Это не могло не насторожить. Мы, как могли, ждали от нее новостей, но... дождались их не оттуда.

— Ты ведь знал о них, так? О том, что между ними происходило? — резко перевожу тему, более не в силах выдерживать формальность тона и напускную вежливость. — Ответь честно, Эллис.

— Райли никогда не делился своими планами, не рассказывал о задумках, чувствах. Но я догадывался. Но даже если и так, я даже подумать не мог, что все перерастет в... подобную одержимость.

— И ты всегда знал, чем занимается твой брат, — это не вопрос. Просто констатация факта. Ответа за моими словами не следует. Эллис прекрасно понимает, к чему я клоню. Он в тупике. — Власти преподнесли все так, будто Райли, совершая похищения, действовал один. Быть может, так оно и было, но... уж мы-то с тобой понимаем, что ты, как его брат,

нагло укрывал преступника, возможно, помогал ему спастись.

— А вы бы сдали родного брата, мистер Стоун? — выпаливает Моллиган, почти огрызнувшись. — Хотя, нет, не так: вы сдали бы Ким? Уверен, то, что дело предалось огласке — не ваших рук дело, верно?

Верно. Но тебе, Эллис, это знать не обязательно.

— Я оставляю вас в покое. Тебя и Крис, но запомни одну вещь, Эллис, — предупреждаю я, чувствуя приступ ненависти и раздражения, — даже не смейте соваться в Инвернесс. Если я узнаю о том, что хоть одна ваша нога ступала на территорию этого города, вам обоим не спастись от правосудия.

Между нами нависает мертвенная тишина. Сглотнув, Эллис вздыхает.

— Крис не должна знать об этом разговоре.

— Не узнает, — соглашаюсь я, прикрыв глаза.

В следующее мгновение связь обрывается.

Теперь все, действительно, кончено.

Больше книг на сайте - Knigolub.net